

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

3 1761 00322732 9

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
BYELORUSSIAN ALLIANCE IN CANADA.

Иван Аристуна

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

**СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА,
И ЛУНЫ.**

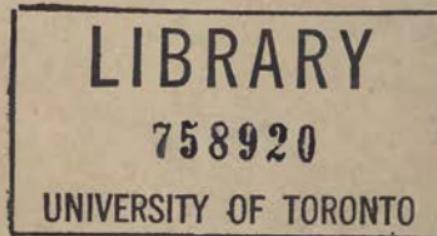
*Sonetv solntsa, meda, i lyny
ПѢСНЯ МІРОВЪ.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ, БЕРЛИНЪ.

PG
3453
B257

Слово пѣсни — капля меда,
Что пролился черезъ край
Переполненнаго сердца.

Испанская пѣсня.

ЧЕРТОГЪ.

*Изъ пламеней и лепестковъ червонныхъ,
Изъ быстрыхъ искръ отъ скока конскихъ ногъ,
Изъ тыхъ блескъ, гдѣ бьется рогъ о рогъ,
Изъ рева бурь, и гласа гудовъ звонныхъ, —*

*Изъ юміамовъ сине-благословныхъ,
Изъ словъ, которыхъ вымолвить не могъ,
Я принялъ вѣсть, и выстроилъ чертогъ
Изъ тайнозвѣстей этихъ раскаленныхъ.*

*Въ чертогъ, гдѣ прядетъ моя мечта,
Сплетаются несчетные ноки.
Въ намекъ скрестилась въ немъ съ чертой черта.*

*Огни ми созрываются темнота.
Въ углахъ сосуды, гдѣ въ густомъ настопъ
Хмѣльетъ сказка, и цвететъ алоэ.*

ПОЭТЪ.

Рѣшаетъ мигъ, по предрѣшаетъ часъ,
 Три дня, недѣли, мѣсяцы, и годы.
 Художникъ въ мигъ — взрывъ въ жерлѣ природы,
 Просвѣтный взоръ во-внутрь Господнихъ глазъ.

Поэты. Братья. Увѣнчали насть
 Не люди. Мы древній людей. Мы своды
 Иныхъ планетъ. Мы Духа переходы.
 И грань — секунда, тамъ гдѣ нашъ алмазъ.

Но если я поэтъ, да не забуду,
 Что въ творчествѣ подземное должно
 Вращать, вращать, вращать веретено.

Чтобъ вырваться возможно было чуду.
 Чтобъ духъ цвѣтка на версты лился всюду.
 Чтобъ въ душу стихъ глядѣлъ и паль на дно.

КОТЛОВИНА.

Пожаръ — мгновенье первое Земли,
 Пожаръ — ея послѣднее мгновенье.
 Два кратера, въ безумствѣ столкновенья,
 Несясь въ пустотахъ, новый мірь зажгли.

Въ туманной и пылающей пыли,
 Размѣрныхъ вихрей началось вращенье.
 И волей притяжелья-отторженья
 Поплыли огневые корабли.

Въ безмѣрной ямѣ жгучихъ средоточій,
 Главенствующихъ силѣ ядро легло,
 И алымъ цвѣтомъ Солнце расцвѣло.

Планеты — дальше, съ смѣйной дня и ночи.
 Но будетъ часть. Насмотрятся всѣ очи.
 И всѣ планеты рушатся въ жерло.

ОГНЕННЫЙ МИРЪ.

Тамъ факелы, огневзнесенья, пятна,
 Тамъ жерла пламеносныхъ котловинъ.
 Сто дней пути — расплавленный рубинъ.
 И жизнь тамъ только жаркимъ благодатна.

Они горятъ и дышутъ непонятно.
 Взрастаетъ лѣсь. По пламени вершинъ
 Несется токъ пылающихъ лавинъ.
 Вся жизнь Огия сгущенно-ароматна.

Какъ долженъ быть тамъ силенъ ароматъ,
 Когда, чрезъ миллионы верстъ оттуда,
 Огонь весны душистое здѣсь чудо.

Какъ тамъ горить у Огнеликихъ взглядъ,
 Коль даже мы полны лучей и гуда,
 И даже люди, полюбивъ, горять.

ПЛАМЕННИКЪ.

Пора мнѣ начертать псаломъ ночамъ и днямъ,
 Пора отобразить желаніе созвучій,
 Которое всегда сквозитъ въ ростущей тучѣ,
 Узорчато ее мѣняя по краямъ.

Изъ капелекъ росы, изъ черноокихъ ямъ,
 Изъ бочаговъ, прудковъ, съ полей, луговъ, и кручи,
 Въ неуловимости незримый, по гѣвучій,
 Восходитъ медленно до Солнца єиміамъ.

До Солнца не дойдетъ. Но, выманенъ лучами,
 Сгустится дымами. Придвинетъ къ хоти хоть.
 Да въ слово плоть войдетъ, и слово станетъ плоть.

Вотъ молія дрожитъ. Грозить и жжетъ очами.
 Дозволь упиться мнѣ и днями и ночами.
 Я пламенникъ, я твой, дозволь сверкнуть, Господь.

ЖЕРТВА.

Когда зажглась кроваво, свѣтъ взвивая,
 Полнеба охватившая заря,
 Казалось, на высотахъ алтаря
 Небеснаго, тамъ жертва есть живая.

Былъ зноенъ день. Всю влагу испивая,
 Жара дымилась, дѣланье творя.
 И каждый листъ рабомъ былъ для царя
 Единаго, чья воля — огневая.

Озеръ и рѣкъ обильный водоемъ,
 И каждая росинка отъ побѣга
 Поникшихъ травъ, вспоили хлопья снѣга, —

Потокъ лавинъ въ объемѣ тучевомъ.
 Весь міръ застылъ. Въ той душной пыткѣ иѣга.
 И огнь, вѣща ливень, рушилъ громъ.

ЗВѢЗДНЫЕ ЗНАКИ.

Творить изъ мглы, расцвѣтовъ, и лучей,
 Включить въ оправу стройную сонета
 Двѣ капельки росы, три брызга свѣта,
 И помысель, что вотъ еще ничей.

Узнать въ цвѣтахъ огонь родныхъ очей,
 Въ журчаныи птицъ разслышать звукъ привѣта,
 И такъ прожить весну, и грезить лѣто,
 А въ стужу цѣловаться горячай.

Не это ли Веселая Наука,
 Которой полный кругъ, въ расцвѣтѣ лѣть,
 Пройти повиненъ мыслящій поэтъ?

И вновь слѣдить въ духовныхъ безднахъ звука,
 Не всыхнулъ ли, еще не бывшій слѣдъ
 Отъ лета сказокъ, духовъ, и кометъ.

ГОРНОЕ ОТКРОВЕНИЕ.

Безмолвіе нагорной высоты,
 Молчанія узорныя хоромы,
 Провалы, свѣтояры, крутоемы,
 Противоглыбы разной остроты.

Дойди до самой сказочной черты,
 Взнеси свой духъ на крайніе изломы,
 Туда, гдѣ дома — молніи и громы,
 Гдѣ рѣзокъ свистъ стреминой пустоты.

Смотри. Гдѣ вся природа чрезвычайна,
 Какой она не можетъ быть вездѣ,
 Гдѣ небо ближе къ озерной водѣ, —

Гдѣ бездна звѣздѣ въ тиши почей безкрайна,
 Надѣ пропастью глядитъ цвѣтокъ къ звѣздѣ,
 Чтобъ даже здѣсь благоухала тайна.

ТА, КОТОРОЮ ДВИЖУТСЯ ЗВѢЗДЫ.

Изъ раковины музыка морская,
И музыка изъ горла соловья.
Условіе и краска бытія.
Всегда одна. Всегда вездѣ другая.

Въ простомъ вѣнкѣ. Всѣмъ жаждамъ дорогая.
Хотящая промолвить: «Я твоя» .
Кто къ ней пришелъ, онъ я и онъ не я.
Въ ней дышетъ Вѣчность, въ мигѣ пробѣгая.

Цвѣтокъ, который ждетъ, чтобы развернуть
Непознанность красивой пышной чаши.
Звѣзда, гдѣ чары наши и не наши.

Дремучій лѣсь, въ которомъ будетъ путь.
Она Когда-то и Когда-Нибудь.
Желанье Солнца грезу сдѣлать краше.

РАЗСВѢТЬ.

Едва озарены верхушки горъ.
 Еще не вышло гордо Свѣтило,
 Въ которомъ всѣмъ земнымъ восторгъ и сила.
 Сейчасъ опо начнетъ дневной дозоръ.

Подъ бѣлой дымкой зеркало озеръ.
 Цвѣты еще закрытыя кадила.
 Долины сиять. Но тьма ужъ уступила.
 И только знака ждетъ старинный боръ.

Купавы словно дремлющія луны.
 Все шире свѣтъ. Все ярче горный храмъ.
 Расплавленный рубинъ по ледникамъ.

Весь міръ земной натянутыя струны.
 Скорѣй. Скорѣй. Мы снова будемъ юны.
 И токъ огней ударилъ по струнамъ.

ЧТО СО МНОЙ.

Что сдѣлалось со мной? Я весь пою.
 Свиваю мысли въ тонкій строй сонета.
 Паскаю зоркимъ взоромъ то и это.
 Всю Вѣчность принимаю какъ мою.

Изъ черныхъ глыбъ я бѣлое кую.
 И повѣсть чувства въ сталь и свѣтъ одѣта.
 Во всемъ я ощущаю только лѣто.
 Вѣтровъ пьянящихъ теплую струю.

О, что со мной? Я счастливъ непонятно.
 Вѣдь боль я знаю такъ же, какъ и вѣ.
 Хожу босой по стекламъ. И въ росѣ

Ищу душой того, что невозвратно.
 Я знаю. Это — Солнце ароматно
 Во мнѣ поеть. Я весь въ его красѣ.

ПИРЪ.

Пиръ огпенный вверху уже готовъ.
 Горячій токъ дошелъ до нижнихъ далей.
 Повѣсилъ по вѣтвямъ нарядъ вуалей,
 Такъ скоро послѣ днѣй разлома льдовъ.

На вербѣ кучки пахнущихъ цвѣтовъ.
 Зима разбила скрѣпы всѣхъ скрижалей.
 Взамѣну выогъ, взамѣнъ свинца печалей,
 Качанье золотыхъ колокольцовъ.

Мой лютикъ. Лютикъ. Ты совсѣмъ не лютый.
 Купальницы. Бубенчикъ. Ты звенишь.
 Упоеваюсь ласковой минутой.

Предъ пиршествомъ торжественная тиши.
 Синѣе синь. И съ громомъ, въ тучѣ вздутой,
 Расцвѣль Огопь лозою перегнутой.

ОНО ПРЕКРАСНО.

Оно прекрасно ласкою привѣта.
 Всегда слѣпые смотрятъ на него.
 И чувствуютъ. И любятъ. Оттого,
 Что въ немъ огонь есть иѣжинай, кромѣ свѣта.

Оно въ сознаныи расцвѣтаетъ лѣто.
 Кто счастливъ здѣсь, онъ счастливъ чрезъ него.
 Лишь имъ живое въ мірѣ не мертвое.
 Лишь съ пимъ мечта рубинами одѣта.

Я опускаю вѣки и смотрю.
 Я вижу. Сказка крови бѣется ало.
 Въ моихъ глазахъ я чувствую зарю.

Какое слово въ Вѣчность побѣжало?
 Я съ Тѣмъ, предъ Кѣмъ не властны ядъ и жало.
 Отъ Солнца къ Солнцу я свѣчой горю.

УМЪЙ ТВОРИТЬ.

Умъй творить изъ самыхъ малыхъ крохъ.
 Иначе, для чего же ты кудесникъ?
 Среди людей ты Божества намѣстникъ,
 Такъ помни, чтобъ въ словахъ твоихъ былъ Богъ.

Въ лугахъ расцвѣль кустомъ чертополохъ,
 Онъ жестокъ, но въ лиловомъ онъ прелестникъ.
 Одинъ толкачикъ знойныхъ сутокъ вѣстникъ.
 Судьба въ одинъ вмѣститься можетъ вздохъ.

Маэстро Итальянскихъ колдований
 Приказывалъ своимъ ученикамъ
 Провидѣть полный пышной славы храмъ

Въ обломкахъ камня и въ обрывкахъ тканей.
 Умъй хотѣть, и силою желаній
 Господень духъ промчится по струнамъ.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ — мечта расцвѣтшаго растеня,
 Пробившаго свой путь изъ тьмы земли,
 Цвѣтокъ — костеръ, что духи намъ зажгли,
 Верховный знакъ творящаго хотѣнья.

Веселыхъ красокъ, въ пляскѣ, восхожденье,
 Побѣда грезы въ прахѣ и въ пыли,
 Блескъ радугъ, пронизавшихъ хрустали,
 Путь въ Вѣчность чрезъ минутное видѣнье.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ ведеть душистый споръ,
 Волнуя, убѣждая, и влюбляя,
 Цвѣтокъ цвѣтку — планета молодая.

Таинственный о счастьи разговоръ.
 И вѣстники цвѣтовъ, въ ихъ звѣздномъ храмѣ,
 Лишь существа съ звенящими крылами.

СОНЕТЫ СОЛНЦА.

Сонеты Солнца, Меда, и Луны.
 Въ пыланіи томительныхъ іюлей,
 Бросали пчелы рано утромъ улей,
 Заслыши духъ цвѣтущей крутизны.

Былъ гуль въ горахъ. Отъ Солнца ходъ струны.
 И каменный баранъ упалъ съ косулей,
 Сраженные одной и той же пулей.
 И кровью ихъ расцвѣчивалъ я сны.

Отъ плоти плоть питалъ я, не жалъя
 Звѣрей, которымъ смерть дала рука.
 Тотъ медъ, что пчелы собрали съ цвѣтка, —

Я взялъ. И вся пчелиная затѣя
 Сказала мнѣ, чтобъ жилъ я не робъя,
 Что жизнь смѣла, безбрежна, и сладка.

ПОЛДЕНЬ

Съ утра до полдня въ духѣ я пѣвучемъ,
 Со всѣмъ земнымъ я все же не земной.
 Я восхожу съ ростущею волной,
 До полдня, къ Солнцу, къ тѣмъ горниламъ жгучимъ.

Найдемъ, сверкнемъ, полюбимъ, и замучимъ,
 Занѣжимъ семицвѣтной пеленой.
 Къ чертѣ распѣта. Къ музыкѣ. За мной.
 Взнесемъ дары, и пріобщимъ ихъ къ тучамъ.

Но вдругъ въ душѣ означится изломъ.
 Пронзитъ предѣлъ восторженность сгоранья.
 Двѣнадцать. Солнце кончило игранье.

Хоть вы придите, молнія и громъ.
 До завтра мгла и ощупь собиранья.
 Но завтра утро вновь качнетъ крыломъ.

ОГНЕВЗНЕСЕНЬЕ.

Луна была сгущеной чернотой,
 Она являлась дискомъ строго-чернымъ.
 А надъ чертой ея, огнемъ узорнымъ,
 Сияла алость, мѣя красотой.

Вокругъ — вѣнецъ лучисто-молодой,
 Съ сребристымъ изліяніемъ повторнымъ,
 Нѣжнѣй, чѣмъ свѣть зари по высамъ горнымъ,
 Костеръ, зажженный огненной мечтой.

Воздушныхъ розъ расплавленность и мѣнье,
 Сто тысячъ верстъ циклонная игра
 Живого серебра, его свѣченья.

Но вотъ Лунѣ содвинуться пора.
 И Солице потопило выявленье
 Священной пляски, пиръ огневзнесенья.

ИЗЪ ПРОПАСТЕЙ.

Я знаю, что вначалѣ было Слово,
 Что было у Предвѣчнаго оно,
 Съ которымъ было мысли суждено
 Разстаться, чтобъ къ Нему стремиться снова.

Изъ пропастей земли неземного,
 Изъ областей, гдѣ невозможно дно,
 Идетъ къ звену блестящее звено,
 Куда чертогъ, крѣпя сапфиры крова.

Вскрываются безмѣрные цвѣты,
 Чтобъ было легче въ тягостяхъ разлуки,
 Чтобъ протянуть къ чѣму намъ было руки.

Извѣчна млечность круглой высоты.
 Въ ночной душѣ звѣздятся къ Небу звуки,
 Всѣ миги дней — кануны Красоты.

СРЕДИ ВИДѢНІЙ.

Среди видѣній разныхъ Вещества
 Упился Духъ несчетностью уборовъ.
 Я здѣсь люблю не будни разговоровъ,
 А празднично-размѣрныя слова.

Лишь полнотой признанья мысль жива,
 Вся музыка согласій и раздоровъ.
 Мигъ нравится въ лѣсахъ тяжелый боровъ,
 И быстрая въ лѣсной рѣкѣ плотва.

И въ джунгляхъ тигръ, и слонъ многообъемный,
 И длинный червь, что въ кучку строить грязь,
 Не тѣ же ль это знаки Сказки темной?

Не та же ли въ нихъ Божеская связь?
 Есть мигъ въ часахъ, когда всѣ мысли кротки,
 И вяжетъ умъ разсыпанныя четки.

ДРЕВО.

Стволъ Древа кряжистъ. Въ свѣтахъ изумруда
 Вершина ускользаетъ въ синеву.
 Всѣ сны его я вижу наяву,
 И слышу миллионный голосъ гуда.

Уходять корни въ глубь почей, откуда
 Я въ сказкѣ листьевъ въ высь всегда плыву.
 День жаворонка манить, почь сову,
 Но голосъ ихъ все тотъ же шорохъ чуда.

Изъ-подъ ушедшихъ вплоть до звѣздъ корней
 Бьютъ родники и выползаютъ змѣи.
 Вверху, внизу ли, звѣздныя затѣи.

И вкось ствала, на всемъ пространствѣ днѣй,
 Бѣгъ золота, — не знаю, бѣлка, или
 Зыбь грезы молодой на Игдразилѣ.

МИРЪ.

Какъ каждый листъ, съѣтясь, живеть отдельнымъ
Восторгомъ влаги, воздуха, тепла,
И радъ, когда за зноемъ льется мгла,
Но съ древомъ слить существованье цѣль-
нымъ, —

Такъ я одинъ въ пространствѣ безпредѣльномъ,
Но съ міромъ я, во мнѣ ему хвала,
Ему во мнѣ поютъ колокола,
Черезъ него я сталъ пѣвцомъ свирѣльнымъ.

Въ теченіяхъ причинностей плыву,
Какъ степь плыветъ подъ вѣтромъ ковылями.
Молюсь въ ночахъ въ многозвѣздистомъ храмѣ.

Пью жадными глотками синеву.
И стволъ ростетъ изъ звѣздъ, умноженъ нами,
Любовью, дѣломъ, подвигомъ, и снами.

ИГРА.

Играетъ Солнце, вокругъ мѣняя луны,
 И проводя безчисленность планетъ.
 Играетъ въ Ночь всегда побѣдный Свѣтъ.
 Назавтра вновь лучи протянуть струны.

Моря въ игрѣ баюкаютъ буруны,
 Вотъ снова тиши, движенья въ Морѣ нѣтъ.
 И любить Вѣчность смѣну дней и лѣтъ,
 Но это все лишь часть единой руны.

Сознаніе, понять тебѣ пора,
 Что всѣ твои несчетныя видѣнья
 Суть два лица того же наслажденья, —

Что въ Вѣчности всегда идетъ игра.
 Но, чтобъ въ мірахъ глубоки были игры,
 Должны быть въ мірѣ молніи и тигры.

МЫСЛЬ.

Мысль человѣка любить забывать,
 Чтобъ вновь припомнить свои извины.
 Кто былъ кентавромъ, тотъ движенье гривы
 Порою любить какъ родную мать.

Я былъ конемъ. И больше утверждать
 Могу, свои припомнивъ переливы.
 Металлы и кристаллы такъ же живы,
 Какъ всѣхъ крылатыхъ вѣющая рать.

Слагая, раздвигая, рдѣя, рѣя,
 Я пробѣжалъ безчисленность міровъ.
 Нѣть большаго на свѣтѣ чародѣя,

Чѣмъ мысль. Играя числами вѣковъ,
 Путь отъ медузы въ звонъ — моя затѣя.
 Лишь измѣняю сплавъ колоколовъ.

ЗВЕНЬЯ.

Въ моряхъ лазоревыхъ усѣяно все дно
 Неисчислимыми слоями звѣздной пыли.
 Вліяніе планетъ въ подводномъ скрыто илѣ,
 Земля закована въ небесное звено.

Когда, въ ночахъ, кружась, жужжитъ веретено,
 Въ душѣ встаютъ черты давно увядшей были.
 Есть въ сердцѣ комнатки, гдѣ мы не позабыли
 Все, съ нами бывшее, не здѣсь, давнымъ давно.

Необъяснимыя въ нась царствуютъ пристрастья.
 Предъ тѣмъ или инымъ непостижимый страхъ.
 А изъясненіе записано въ зрачкахъ.

Увидить взоръ души идущее несчастье.
 И радость зыбится въ неясныхъ письменахъ,
 Слагая рядъ примѣтъ въ желанное запястье.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Пройди отъ фіолетовыхъ до красныхъ
 Всѣ красочные въ радугѣ пути.
 Чтобъ тайное вѣщаніе найти,
 Взгляни въ живой вѣнецъ расцвѣтовъ страстныхъ.

Влюбись въ фіалку. Незабудокъ лесныхъ,
 Осокъ нарви. И лютникъ расцвѣти.
 Наастурцій кустъ межъ маковъ помѣсти.
 И розъ возьми, изъ самыхъ полновластныхъ.

Приблизься къ нимъ. Читай глазами ихъ.
 Вдыхай. Пьянись всей тайной ихъ загадокъ.
 Пчелъ мигъ встрѣчи съ вѣничками сладокъ.

Отъ лепестковъ струится вихремъ стихъ.
 Ты къ молніямъ пришелъ. Подслушай ихъ.
 Онъ поютъ — сонетами изъ радугъ.

ПОЛНАЯ ЧАША.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ, цвѣты поютъ цвѣтамъ,
 Всей силой посылаемыхъ дыханій,
 Струей пыльцы, игрой Восточныхъ тканей,
 Приди, любовь, я все тебѣ отда姆ъ.

И слышно здѣсь, какъ пламенѣеть тамъ,
 За гранями, кадильница сгораній,
 Жасмины, розы, головни герапей,
 Пожары, посвященные звѣздамъ.

Пока на днѣ небесъ проходятъ токи,
 Пѣвучіе ряды, къ звѣздѣ звѣзда,
 Влюбилась въ берегъ здѣшняя вода.

Два облика. Они зеленооки.

И слышенъ вздохъ: «Тобою счастливъ я».
 И вторить нѣжный вздохъ: «Твоя. Твоя».

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ.

Любить — живыхъ учила красногрудка.
 Вся сѣрая была она въ Раю.
 Сидѣла на утесѣ, на краю.
 А міръ кругомъ былъ смѣхъ и вскликъ и шутка.

И думала крылатая малиотка: —
 «О чѣмъ они? О чѣмъ и я пою?
 Любить не нужно все. А лишь мою».
 И въ этотъ мигъ у ней зардѣлась грудка.

И птичка полетѣла по кустамъ.
 Тогда впервые заалѣли розы,
 Гвоздики, маки, цѣлый алый храмъ.

И кровь любовью брызнула къ сердцамъ.
 И молнія, узоръ небесной грэзы,
 Велѣла быть грозѣ и лить дождямъ.

УДЪЛЪ КРЫЛАТЫХЪ.

Двѣ птички видѣть — нѣжно и досадно.
 Ихъ двѣ, такъ значитъ иѣть здѣсь ии одной,
 А будеть третья, чтобы оиять весной
 Вдвоемъ единый ликъ разрушить жадно.

Когда жь одна, — какъ жалко, безотрадно.
 Она въ тревогѣ. Сердце шепчетъ: «Пой!»
 И вотъ поетъ, чтобы взятой быть судьбой,
 И, здѣсь поживъ, летѣть къ чужбинѣ стадно.

Люблю я, все же, болѣе — одну,
 Когда она поетъ, дрожа, тоскуя,
 Душа къ душѣ, въ желаныи поцѣлуйя.

Высокій мигъ — создать свою струну.
 Струить жемчужный дождь, сердца волнуя.
 Свой жемчугъ лить въ чужую глубину.

ЗАКОНЪ ПРИРОДЫ.

Природа — прихотливѣйшій творецъ.
 Отъ простоты всегда уходитъ въ сложность.
 Ей побѣждать желанно невозможность.
 Повсюду разсыпать дожди колецъ.

Нигдѣ не говоритъ она: Конецъ.
 Чуть сотворить, и тотчасъ, осторожность
 Съ мечтой сліявъ, крѣпить свой храмъ
Всебожность,
 Играя миллионами сердецъ.

По клавишамъ несчетныхъ ощущеній
 Бѣгутъ персты, легчайшіе, чѣмъ сонъ.
 Гудить отъ звѣздъ дрожащихъ небосклонъ.

Еще цвѣтовъ, звѣрей, и сновъ, и рдѣній.
 И лѣстница всемирныхъ расхожденій
 Ростетъ, а прихоть — строгій здѣсь законъ.

ЗНАНИЕ ВНЪ ЗНАНЬЯ.

Есть знаніе внъ знанья въ существахъ.
 Внушаемость. Открытость вѣчнымъ чарамъ.
 Миръ никогда, живя, не будетъ старымъ.
 Пока есть сердце, жгучій есть размахъ.

Въ животныхъ, въ рыбахъ, въ птицахъ, и жукахъ
 Есть власть свѣтиться тѣмъ цвѣтнымъ пожаромъ,
 Что, рдѣя, по зеленымъ льется ярамъ,
 И искрится алмазами въ снѣгахъ.

Соотношеніе красокъ. Здѣсь не только
 Самозащита отъ зловражихъ глазъ,
 Но просто ладъ, втекающій въ разсказъ.

Когда порхаетъ маленькая молька,
 Она изображаетъ Смерть и Ночь.
 Ты жилъ? Усни. Ты былъ? Уйдемъ же прочь.

ЗЕРКАЛО ВЪ ЗЕРКАЛО.

Чтобъ духъ горѣлъ въ чарующемъ алмазѣ,
 И мысль играла въ радугу и громъ,
 Идутъ пиры, въ пространствѣ міровомъ,
 Различья формъ, цвѣтныхъ разнообразій.

Свѣтло летѣть по зову звѣздныхъ связей.
 Красиво каплей, чей такъ малъ объемъ,
 Упасть съ высотъ въ звенящій водоемъ.
 Быть звукомъ въ убѣдительномъ разсказѣ.

Мнѣ чудится, что, если любимъ мы,
 И милой сердцемъ ткемъ нарядъ вѣнчальный,
 Въ пустынѣ звѣздъ, какъ въ музыкѣ зеркальной, —

Въ тотъ часъ поютъ всезвонные псалмы,
 Какъ здѣсь снѣжинки въ свѣтлый мигъ зимы
 Въ душѣ у насъ рождаются стихъ кристальный.

БРОНЗОВКА.

У бронзовки, горячаго жука,
 Блестящаго въ дни майскаго горѣнья,
 Полдневнѣй, чѣмъ у майскихъ, власть влюбленья,
 И цвѣтъ зеленыхъ крылъ — какъ листъ цвѣтка.

Въ немъ краска изумруда глубока,
 Съ игрою золотого оттѣненія.
 Здѣсь Солнцемъ и Землею завлеченье,
 Здѣсь долгая влюбленность въ свѣтъ листка.

Сознаніе гармоніи окраски,
 Упорно ощущаемое тѣмъ,
 Кто пламенно живетъ, хоть съ виду нѣмъ.

Внушаемость теченьемъ общей сказки.
 Такъ у дѣтей горятъ какъ звѣзды глазки: —
 Вѣдь духъ дѣтей открыть созвѣздьямъ всѣмъ.

ПАВЛИНЪ.

Какъ исполинскій вѣръ, хвостъ павлина,
 Съ большимъ числомъ изящнѣйшихъ зрачковъ, .
 Раскроется какъ розыпь синихъ ковъ,
 Чаруетъ какъ лазурная картина.

Самецъ, съ покорнымъ лицомъ властелина,
 Бросающаго множество даровъ,
 Быть красочнымъ еще и вновь готовъ,
 Чтобъ породить съ царицей дочь и сына.

Но въ таинство рожденія вступить
 Чрезъ таинство любовнаго сліянья.
 Таинственная чувствъ и мыслей нить.

Порабощенъе волею сіянья.
 Созданье красокъ, грезъ, и расцвѣтанья,
 Чтобы одинъ глотокъ любви испить.

ТАЙНА РАКОВИНЪ.

Есть въ очертаныи раковинъ морскихъ
 Извивъ волны лазурной Океана.
 Есть отсвѣтъ въ нихъ огней зари, что рано
 И поздно льеть въ волну жемчужный стихъ.

Въ нихъ есть и лунный свѣтъ, что нѣжно-тихъ
 И чародѣенъ въ часъ, когда Свѣтлана
 Восходитъ, розовата и медвяна,
 И ворожитъ теченье чаръ густыхъ.

Глубинныя — пріемлють трепетанья,
 Покорно подчиняясь безъ конца,
 И раскрывая створки какъ сердца.

А въ той, что всѣхъ открытый путь вліянье,
 Сліянный поцѣлуи созвучныхъ силъ
 Себя какъ грезу жемчугомъ явилъ.

ТАНЕЦЪ ЛЮБВИ.

Надъ той чертой, гдѣ льнетъ до суши Море,
 Я видѣлъ, въ днѣ сентябрьскомъ, пронеслось
 Сто тысячи обнимавшихся стрекозъ,
 Летя попарно въ этомъ дружномъ хорѣ.

Какъ рой счастливыхъ душъ, вились въ просторѣ.
 Къ закату, выше Моря, травъ, и росъ,
 Какъ будто звалъ ихъ лучевой откосъ,
 И подчинились нѣжныя, не споря.

До Солнца. Къ тѣмъ расплавленнымъ огнямъ.
 Къ рубинамъ, утопающимъ въ опалѣ.
 Неслись. Взнеслись. Растворили. Пропали.

Летя по лучезарнымъ ступенямъ.
 Къ горнилу зорь. Завлечены багрянцемъ.
 Циклономъ огневымъ. Любовнымъ танцемъ.

КАБАРГА.

Хранить самецъ пьянящій духъ въ мѣшочекъ,
 И какъ цвѣтокъ приманиваетъ мухъ,
 Такъ кабарга-самецъ для молодухъ
 Танцъ духи въ волшебномъ пузыречкѣ.

Идетъ, роняя мускусныя точки,
 Неволящій, несущій чары, духъ.
 Любовь чрезъ запахъ размышиляетъ велухъ,
 Набатъ къ любви струятъ кусты и кочки.

Плыветъ, зоветъ, звонить, и ранить мгла.
 Какъ дождь жемчужный, цвѣтъ повисъ черемухъ.
 Сосна и та отъ страсти расцвѣла.

И тамъ, гдѣ орхидеи на изломахъ
 Утесы расцвѣтили какъ спѣга,
 Въ безумномъ духѣ любить кабарга.

ШЕСТЬЕ КЛАБАРГИ.

Влюбленная проходитъ кабарга,
Средь дикихъ козъ колдуныя аромата.
Вослѣдъ нея пахучая утрата,
Подъ ней душисты горные луга.

Пьянящій мускусъ. Смыты берега
Безетрастія. Любовь здѣсь будеть платы.
И любятся съ разсвѣта до заката.
Но прежде — бой. Въ любви сразить врага.

Самецъ самцу противоставить бивни.
Алѣютъ у сильнѣйшаго клыки.
Сперва гроза. Лишь за грозою ливни.

Ждетъ самка. Въ мірѣ бродятъ огоньки.
Въ одномъ любовномъ запахѣ и раѣ
Сибирь, Китай, Тибетъ, и Гималаи.

ЦВѢТЬ СТРАСТИ.

Багряный, иѣжно-алый, лиловатый,
 И бѣлый-бѣлый, словно сонъ въ снѣгахъ,
 И льющій зори утра въ лепесткахъ,
 И жаркіе лелѣющій закаты, —

Пылаетъ макъ, различностью богатый,
 Будя безумье въ пчелахъ и жукахъ,
 Разливъ огня въ цвѣточныхъ берегахъ,
 Съ пахучей грезой, сонно-сладковатой.

Когда же онъ роняетъ лепестки,
 Ваяетъ онъ кувшинчикъ изумрудный,
 Гдѣ сѣмѧ накопляетъ, съ властью чудной.

Сны навѣвать. Въ тѣхъ снахъ объемъ рѣки.
 Дневное — въ зыбяхъ, въ дали многогудной.
 И хмѣль густой вмѣстилъ вѣка въ цвѣтки.

ПЧЕЛА.

Мнѣ нравится существенность пчелы,
 Она, летя, звенитъ не по-пустому,
 Отъ пыльника цвѣтовъ дорогу къ грому
 Вѣригѣй находитъ въ мірѣ, чѣмъ орлы.

Взявъ нектаръ въ зобикъ свой, изъ этой мглы,
 Тамъ въ ульѣ, чуя сладкую истому,
 Медъ отдастъ корытцу восковому,
 Въ немъ шестикратно утвердивъ углы.

Изъ жала каплю яда впустить въ соты,
 Чтобъ медъ не забродилъ тамъ. Улей — домъ.
 Цвѣты прошли, — пчела забылась сномъ.

Ей снится храмъ. Въ сіянны позолоты
 Иконы. Свѣчи. Горнія высоты.
 И хоръ поетъ. И колоколъ — какъ громъ.

НЕЗРИМЫЕ ИСПОЛИНЫ.

Огромная объемность инфузорий,
 Незримая среди безвестныхъ тропъ,
 Мгновенно зrimа, лишь взгляни въ потопъ,
 Чрезъ волшебство побудь въ кишащемъ хорѣ.

Вотъ, капля влаги — бѣшеное море.
 У каждой твари есть и ротъ и лобъ.
 Одна другой — живой и жадный гробъ.
 Ихъ мчитъ циклонъ. Ихъ жизнь — въ горячемъ
     спорѣ.

Одна — какъ пѣкій исполинскій зонтъ.
 Другая — конь въ кошмарномъ сновидѣнїѣ.
 Какой у нихъ безмѣрный горизонтъ.

Нѣть, малы не они, а наше зреинье, —
 Какъ лишь размѣрно груженъ мастодонтъ,
 Въ ликующихъ пирахъ міротворенія.

ЗВЪРЬ.

Сто сорокъ саженей чудовищной длины,
 Приди въ четырнадцать размѣриаго сонета.
 Тотъ земноводный звѣрь, онъ вѣдалъ только лѣто
 И смѣну лѣтнихъ дней на пламени весны.

Левіаанъ морей, гдѣ грузный ходъ волны
 Былъ продвиженіемъ тяжелаго предмета.
 И воздухъ былъ густой. И мало было свѣта.
 Но жаркіе пары пыланьемъ произены.

Здѣсь мало что уму. Но все для сладострастья.
 Хранилище любви, спинной его хребетъ
 Былъ длительная хоть, гдѣ размышиленья нѣть.

Опь въ Лѣтописи Дней одна страница счастья.
 Я думаю о немъ, когда погаснетъ свѣть,
 И за стѣной моей, и въ сердцѣ, стопъ и неастыя.

ЛУНА И СОЛНЦЕ.

Луна, черезъ меня, струить мечту,
 А Солнце, черезъ свѣтъ, творить созданья.
 Но сердцу — что видиѣе, чѣмъ мечтанье?
 Напѣвъ Лунѣ — нарядиѣе сплету.

Какъ Солнечную встрѣтить красоту?
 Нѣмѣю въ ослѣпленыи обаянья.
 Я съ Солнцемъ знаю счастіе ваянья,
 Съ Луной горю и гасну налету.

Всего видиѣй летучее горѣнье.
 Ваянья ломки. Устаетъ рука.
 Ручей поетъ звучнѣе, чѣмъ рѣка.

Мечта — правдиво-нѣжное влюбленье.
 Она прядеть изъ зыби огонька.
 Огонь погасъ. Но зыбь живеть вѣка.

ЧЕЛОВЪКЪ.

Весь человѣкъ есть линія волны.

Токъ крови, въ руслахъ жиль, какъ по ложбинамъ.

Строеніе губъ, бровей, зрачокъ съ орлинымъ

Полетомъ къ Солнцу. Волны. Струи. Сны.

Мы влагой и огнемъ воплощены.

И нашу мысль всегда влечеть къ глубинамъ.

И тотъ же знакъ ведеть нась по вершинамъ.

Намъ любо знать опасность крутизны.

Отъ Солнца мы, но мы изъ Океана.

Индійскій сонъ. На влагѣ міровой,

На вѣчномъ мигу лицъ являя свой, —

Съ зарей, велящей просыпаться рано,

Раскрылся чашей лотосъ голубой.

И богъ въ цвѣткѣ. А жизнь цвѣтка медвяна.

СОНЬ ДЪВУШКИ.

Она заснула подъ слова напѣва.

Въ немъ слово «Мой» , волненіе струя,

Втекало въ слово нѣжное «Твоя» .

И въ жутко-сладкомъ снѣ застыла дѣва.

Ей снилось. Нѣжно у нея изъ чрева

Росла травинка. Брызгалъ плескъ ручья.

Красивая нестрашная змѣя

Ласкалась къ ней. И стебель выросъ въ древо.

Ушли густыя вѣтви въ небеса.

Въ нихъ золотились яблоки и птицы.

Качались громы, молніи, зарницы.

И выросъ лѣсъ. И выросли лѣса.

И кто-то перстень съ блескомъ огневицы

Надѣлъ на палецъ избранной царицы.

РЕБЕНОКЪ.

Ребенокъ, пальчикъ приложивъ къ губамъ,
 Миъ подариль волшебную картинку.
 Онъ тонкую изобразилъ былинку,
 Которая восходитъ къ небесамъ.

Горѣло Солнце желтымъ шаромъ тамъ.
 Былинка, истончившись въ паутинку,
 Раскрыла алый цвѣтикъ, котловинку,
 Тянувшуюся къ солнечнымъ огнямъ.

Цвѣтокъ, всѣмъ лепестковымъ устремленьемъ,
 Былъ жадно къ лицу Солнца паклоненъ.
 Но не съ любовью, а съ мятежнымъ рдѣньемъ.

Хочу тебя превосходить горѣньемъ.
 И Солнце, чтобъ рубинъ былъ побѣженъ,
 Спустилось книзу, съ заревымъ смиреньемъ.

ПЕЧАТИ.

Смотрѣть печати давнихъ прохожденій,
 Расчислить спектръ, пронзившій хрустали,
 Читать страницы прошлаго Земли,
 Слѣды звѣрей, листы иныхъ растеній, —

Почуять сонмы дикихъ привидѣній,
 Прозрѣть объемъ существъ, какъ корабли,
 Какъ грузные утесы, что могли
 Сходиться для любленья и бореній.

Въ застывшей янтаремъ цвѣтной смолѣ
 Увидѣть четко маленькую мушку,
 Воть какъ она гнала свою подружку, —

Чтобы ее обнять въ любовной мглѣ.
 И чувствовать, что также ты лишь строчка
 Въ Поэмѣ Мира. Всѣликъ, вопросъ, и точка.

ВЪ ТЪ ДНИ.

Въ тѣ дни, когда весь міръ былъ Океанъ,
 Среди морскихъ неисчислимыхъ лилій,
 На праздникъ первичныхъ изобилій,
 Бродилъ горячій творческій туманъ.

Еще не возникало разныхъ странъ.
 Поденки-исполины, взмахомъ крылій,
 Носились въ полумракѣ безъ усилій,
 И каждый хвощъ былъ дикій великанъ.

Лишь папоротникъ въ мертвенному болотѣ,
 Что пресѣкало Море кое-гдѣ,
 Многосаженный, тѣнь ронялъ къ водѣ.

И тиши существъ, беззвучныхъ даже въ летѣ,
 Передалась красивѣйшей Звѣздѣ,
 Спустившай зерна жизни въ позолотѣ,

НА ОГНЕННОМЪ ПИРУ.

Когда я думаю, что предки у коня,
 Въ безчисленныхъ вѣкахъ, чьи густы вереницы,
 Являли странный ликъ съ размѣрами лисицы,
 Во мгѣ дрожитъ восторгъ, произающій меня.

На огненномъ пиру творящаго Огня,
 Я червь, я хитрый змѣй, я быстрокрылость птицы,
 Умъ человѣка я, чья мысль быстрѣй зарницы,
 Сознаніе міровъ живетъ во мгѣ, звепя.

Природа отошла отъ своего Апрѣля,
 Но наслоеньями записаны слова.
 Мѣняется размѣръ, но пѣсня въ немъ жива.

И Божья новая насть ждетъ Недѣля.
 Не такъ ужъ далеки предъ лицомъ Божества
 Акульи плавники и пальцы Рафаэля.

ДВА ДОСТИЖЕНИЯ.

Два раза человѣкъ былъ въ мудромъ ликѣ змѣя: —
Когда онъ приручили къ своимъ дѣламъ огонь,
Когда имъ укрощенъ былъ дико ржущій конь, —
И покорить коня гораздо мудренѣе.

Огонь постигнутый горитъ, грозя и рдѣя,
Но подчишается, лишь въ плоть его не тронь.
А сдѣлать, чтобы звѣрь былъ бѣгъ твоихъ погонь
Стократно трудная и хитрая затѣя.

Въ сказаныи о Брингильдѣ мы видимъ, кто
сильнѣй.

Оплотомъ сна ея служилъ не дубъ, не камень,
А зачарованный непогасавшій пламень.

Но проскакалъ Сигурдъ сквозь изгородь огней.
Былъ побѣдителемъ, сказаньемъ званый Грави,
Ведомый духомъ конь, въ сверканьи состязаний.

ВЪ ЖЕРЛЪ.

Всей роскошью измѣнъ не вовсе смыть
 Лицъ прошлаго съ уступами крутыми.
 И я люблю прозрѣть, какъ въ нѣкомъ дымѣ,
 Въ жерлѣ столѣтій бывшій яркимъ бытъ.

Прильнуль къ землѣ застывшій слѣдопытъ.
 Онъ знаетъ, что лощинами лѣсными
 Пройдетъ табунъ. Кобылы, а за ними
 Строй жеребцовъ. Чу. Дальній гулъ копытъ.

Но нѣть. Но нѣть. Идутъ иные ноги.
 Звукъ конскихъ ногъ стройнѣй. Онъ не таковъ.
 Товарищи. Скорѣе на быковъ.

Они идутъ, размѣрны, крутороги.
 Арканъ со мной. Лукъ со стрѣлой готовъ.
 Еще крутится пыль на той дорогѣ,

ЗВЪРОЛОВЪ.

Когда царилъ тотъ сильный звѣроловъ,
 Что міру явленъ именемъ Немврода,
 Чуть зачинала сны временъ природа,
 И раемъ былъ любой лѣсистый ровъ.

Не кроликовъ и не перепеловъ
 Онъ въ сѣти уловлялъ. Иного рода
 Ловить звѣрей была ему угода.
 Взлюбилъ онъ коготь, клыкъ, и рогъ, и ревъ.

Когда громадой, въ любострастномъ мигѣ,
 Шелъ мастодонтъ мохнатый, разъяренъ,
 Навстрѣчу шелъ и улыбался онъ.

На звѣря сбоку вдругъ бросалъ вериги.
 И записали въ словѣ Древней Книги: —
 «Сей началъ быть могучимъ въ снѣ временъ» .

ПЕЩЕРНИКЪ.

Въ пещерѣ начерталъ онъ на стѣнѣ
Быковъ, коней. И чаровали гривы.
Онъ былъ охотникъ смѣлый и счастливый.
Плясали тѣни сказокъ при огнѣ.

Жена, смѣясь, склонялася къ женѣ.
Ихъ было семь. Семьею говорливой,
Порою дружной, а порой бранчливой,
Всѣ были только съ нимъ въ любовномъ снѣ.

Сидѣлъ поодаль онъ. И духъ мечтанья
Его увелъ въ безвѣстную страну.
Онъ былъ тамъ блѣденъ. И любилъ одну.

Въ томъ краѣ были сказочные зданья.
Онъ былъ въ нихъ царь. И вдругъ въ его сознанье
Мечта вонзила звонкую струну.

МЛАДШИЙ.

Ватага наохотилась и Ёла.

Хрустѣли кости лошадей и козъ
Вокругъ костровъ. Тамъ дальше былъ откосъ.
И онъ сидѣлъ у самаго предѣла.

Онъ есь краю былъ. Меньшой. Такое дѣло
Какъ бить звѣрей въ немъ не будило грезъ.
Онъ есьлъ кусокъ добычи. Кость поднесть.
Тамъ дырка. Глянулъ. Дунулъ. Кость запѣла.

Обрадованъ, онъ повторялъ тотъ звукъ.
Журчацій свистъ. Онъ былъ похожъ на птицу.
Кругомъ смѣялись. Но ужъ онъ цѣвницу

Почувствовалъ. Движенье ловкихъ рукъ.
Отверстья умножали голосъ мукъ.
Вскликъ счастья. Онъ зажегъ свою зарницу.

ПОСВЯЩЕННЫЕ.

Колебля легкій въ воздухѣ уборъ,
 Папирусъ молча смотритъ въ воды Нила.
 На влагѣ бѣлосинѣжное кадило,
 Заводить лотосъ съ утромъ разговоръ.

Изидѣ, Озирису, и Гаторъ
 Возносить пѣснь — живыхъ сердецъ горнило.
 Дабы въ столѣтьяхъ Солнце сохранило
 Тѣхъ вѣрныхъ, не вступившихъ съ Богомъ
 въ споръ.

Познавшіе всѣ тайны смертной ямы,
 И всѣ пути, по коимъ ходить страсть,
 Глядяты жрецы, являя ликомъ власть.

Аллеи сфинксовъ. Обелиски. Храмы.
 И разнимая розовую пасть,
 Какъ идолы въ водѣ — гиппопотамы.

КРАЙ ОЗИРИСА.

Нѣмой покой. Гробница мастаба.
 На красноватомъ золотѣ Сахары.
 Внутри — картины выявляютъ чары.
 Въ Египтѣ живы самые гроба.

Четырекратно ворожитъ Судьба.
 Востокъ и Югъ — горячіе пожары.
 Закатъ и Сѣверъ — свѣтъ, когда мы стары.
 Аменти, гдѣ окончена борьба.

Край Озириса, Гора, и Изиды.
 Паширусть. Лотосъ. Пальма. Тамарискъ.
 Храмъ духа, свѣтятъ алымъ пирамиды.

Могучій Ра высоко поднялъ дискъ.
 И какъ копье оконченной обиды,
 Какъ пламень камия — входитъ обелискъ.

ДВА МИРА.

Я слушалъ голосъ древнихъ посвященныхъ,
 Что пили Солнце, какъ мы пьемъ вино,
 Съ Луной горѣли тайной заодно,
 И знали поступь духовъ въ травахъ сонныхъ.

Я слышалъ гулъ колоколовъ всезонныхъ,
 Которымъ возвѣщать въ просторъ дано,
 Что выковано повое звено,
 Для душъ, изъ смертныхъ страховъ изведенныхъ.

Мнѣ ближе тѣ, которые древній.
 И больше правды въ лицахъ загорѣлыхъ,
 Безбрежное замкнуть въ земныхъ предѣлахъ

Не мыслявшихъ. Они въ разбѣгѣ дней
 Давали гроздья счастья, ягодъ спѣлыхъ,
 И, кончивъ жизнь, легко прощались съ ней.

КРУГОЗОРЬ.

Я зналъ въ вѣкахъ, какъ рухнулъ mastодонтъ,
 Я строилъ западню объемной ямы.
 Узнали дротикъ мой гиппопотамы.
 Я вель въ войнѣ свирѣпый фронтъ на фронтъ.

Позднѣй, Китайскій свой раскрывши зонть,
 Землѣ и Небу выстроилъ я храмы.
 Въ другой странѣ возславилъ имя Брамы.
 По кругу весь прошелъ я горизонтъ.

Отъ Индіи, гдѣ сказочны банаы,
 И духовъ столько, сколько мушкары,
 Я прочь ушелъ, иной ища игры.

И я люблю надрѣчные туманы,
 И въ дни декабряской трезвеннай поры
 Разумныхъ мыслей сны и караваны.

ПРИЗЫВЪ.

Какъ птица ткачъ прилежно ткетъ узоръ,
Мѣшокъ гнѣзда, гдѣ красота скрѣпленья
Невольно вызываетъ изумленье,
Вися съ вѣтвей надъ зеркаломъ озеръ, —

Какъ многограненъ мухи зоркій взоръ,
Включившій въ глазъ многосторонность зрѣнья, —
Какъ Эскимосъ лишь хочетъ примиренья,
И воинскій не дѣлаеть уборъ, —

Такъ я, бродя по травянымъ пустынямъ,
Отъ острововъ блуждая къ островамъ,
Узналь, что правовѣренъ каждый храмъ, —

Гдѣ духъ сполна прильнуль къ своимъ святынямъ
О, братья міра. Гнѣвъ свой да покинемъ, —
И строить въ мірѣ мѣсто будетъ намъ.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

Есть однодневка. Есть одноминутка.
И есть однопекундка межъ звѣрей.
Въ рядахъ періодическихъ дробей
Спустиесь къ глубоководностямъ разсудка.

Предѣла нѣтъ. Стихъ прозвучалъ какъ шутка.
Онъ грознымъ сталъ. И Преисподней всей
Не вычерпаешь маленькой ручей.
Счетъ жизней — счетъ снѣжинокъ первопутка.

Не кажется мнѣ больше мастодонтъ
Необъяснимо-тяжкимъ и безмѣрнымъ.
Вершокъ мой старый сталъ давно невѣрнымъ.

У каждыхъ глазъ различный горизонтъ.
И черезъ пропасть прыгающимъ сернамъ
Провалъ — не срывъ, а спускъ по сходамъ мѣрнымъ.

СООТНОШЕНИЯ.

Алмазны скрѣзы всѣхъ соотношений,
Вездѣ узоръ ихъ музыки ловлю.
Какъ волны лѣнуть къ сѣдому кораблю,
Умъ ластится къ теченіямъ вишеній.

Медуза въ Океанѣ — пышный геній,
Какихъ въ людскихъ свершеньяхъ я люблю.
Когда дорогу къ ней отъ низшихъ длю,
Я вижу, какъ въ ней много достиженій.

Я научился зодчеству у птицъ,
Въ тѣ дни Земли, какъ вѣдалъ лишь охоты.
Я за звѣрьми вступилъ въ глухіе гроты.

Я перенялъ съ растеній листъ страницъ.
И, напитавшись духомъ медуницъ,
За соловьемъ свои расчислилъ ноты.

ЗЕРНО.

Двуликій знакъ, — взглянувъ, переверни,
 Въ ладони подержавъ, — зерно ржаное.
 Двѣ ипостаси. Тайные здѣсь двое.
 Несчетное въ себѣ таять они.

Чуть зrimый ротъ, пьянящій искони.
 Начало ласкъ. Горнило вѣковое.
 Другой же обликъ — жезлъ, что въ тайномъ зноѣ
 Пронзить вѣка, и донесеть огни.

А вмѣстѣ — лишь зерио. И если тайный
 Тотъ поцѣлуй — земной не приметъ плѣнъ,
 Изсохнетъ самъ въ себѣ, безъ перемѣнъ.

А внизъ сойдетъ, къ чертѣ необычайной,
 Узнаеть смерть въ любви, и тьму, и тлѣнъ.
 И выйдетъ къ Солнцу — нивою безкраиной.

СНОПЫ.

Снопы стоятъ въ поляхъ какъ алтари.
 Въ нихъ красота высокаго значенья.
 Быль древле часть, въ умахъ зажглось реченье: —
 «Не только кровь, но и зерно сбери» .

Въ колосьяхъ отливаютъ янтари.
 Богаты ихъ зернистыя скопленья.
 Въ нихъ теплымъ духомъ дышетъ умиленье.
 Въ нихъ золото разлившайся зари.

Какъ дологъ путь отъ быстрыхъ зеренъ сѣва
 До мига золотого торжества.
 Всѧ выгорѣла до косы трава.

Гроза не разъ грозилась жаромъ гнѣва.
 О, пахари. Подвижники посѣва.
 Въ васъ Божья воля колосомъ жива.

КРОВЬ ПУТАЕТЬ.

Кровь путаетъ, толкаетъ, и пьянитъ,
 Совѣта лишь въ своихъ вѣкианьяхъ спросить.
 Пятнаеть, омываетъ, и возносить
 Дѣла временъ и выси пирамидъ.

Въ пыланы розы кровь. И хмѣль ей свить,
 Хотя она не краепый цвѣть въ немъ носить.
 И сѣеть, сѣеть. Станетъ, коситъ, косить.
 И ледъ скучеть. И явить снѣжный видъ.

Отщельникъ, что десятки лѣтъ въ пустынѣ
 Замаливаетъ грѣхъ подъ звоно оковъ,
 И дѣвшушка, что свѣтитъ по долинѣ,

И смотритъ въ жизнъ, и смотритъ въ небо сине, —
 Не равны ль вы? Аминь, скажу я, нынѣ,
 И присено, и во вѣки всѣхъ вѣковъ.

БРУСНИКА..

Огонь, перебѣгающій въ брусникѣ,
 Сошелъ съ махрово-огненныхъ свѣтиль,
 Малину и калину расцвѣтилъ,
 Неполно пробѣжалъ по землянику.

Отобразился въ страстномъ счастья крикѣ,
 У дѣвушки въ щекахъ, играньемъ силь,
 Румянецъ нѣжнымъ заревомъ стустилъ,
 Ея глаза пугливо стали дики.

И, чувствуя, что въ ней горитъ звѣзда,
 Которой любо видѣть алость,
 Она влагаетъ искру даже въ малость.

Она смѣется, а въ глазахъ бѣда,
 Проходитъ, и пылаютъ города,
 Проводить въ міръ огненную шалость.

МИРЪ БЛАГОВѢСТИЯ.

Какой онъ благолѣпный, благовонный,
 Какой онъ благозвонный, свѣтлый лѣсъ.
 Въ немъ ничего изъ сказки похоронной,
 Въ немъ только благовѣстіе чудесъ.

Едва въ него вошелъ, какъ духъ воскресъ.
 Задумчивый, баюкающій, сонный,
 Зеленыхъ преисполненный завѣсъ,
 Хранитель жизни многомилліонной.

Я вижу зыбкій стебель лисій хвостъ,
 Я становлюсь тихонько на колѣни,
 Чтобъ ближе видѣть тонкій трепетъ млѣній.

Кругомъ въ цвѣтахъ миѣ зrimа розсыпь звѣздъ.
 Вдыхаю сладкій духъ благоволеній.
 Миѣ изумрудъ къ забвенью строить мостъ.

НАУКА.

Я ласково учусь зеленої тишинѣ,
 Смотря, какъ царственны, сто лѣтъ проживши, ели.
 Онѣ хранять свой цвѣтъ, пріемля всѣ мятели,
 И жалобы въ нихъ нѣтъ, и жалобъ нѣтъ во мнѣ.

Я голубой учусь у неба вышинѣ,
 У вѣтра въ камышахъ учился я свирѣли.
 Отъ облаковъ узналъ, какъ много сновъ въ кудели,
 Какъ вольно, сны создавъ, ихъ въ бурномъ сжечь
 огнѣ.

Я красному учусь у пламенного мака,
 Я золото беру у солнечныхъ лучей,
 Хрустальности мечты учила меня ручей.

А если мышь мелькнетъ, и въ ней ищу я знака.
 Зима скуетъ порывъ и сблизить берега,
 И бѣлый мнѣ псаломъ споютъ безъ словъ енѣга.

СРЕДИ ДЕРЕВЪ.

Среди деревъ, ихъ лапъ, узловъ, рогатинъ,
 Столѣтнихъ елей, благовоинныхъ липъ,
 Старинный шорохъ, шелестъ, гулъ, и скрипъ,
 Особый ладъ, который благодатенъ.

Дрожать сквозь листья брызги свѣтлыхъ пятенъ.
 А тутъ, внизу, пробился крѣпкій грибъ.
 Выводить травка шаткій свои изгибъ.
 Духъ павшихъ листьевъ густо ароматенъ.

Летучей кошкой проплыла сова,
 И, сѣвиши, смотритъ круглыми глазами,
 Не видя. Дождь прошелъ. И лишь слезами

Алмазными чуть-чуть горитъ трава.
 Войдемъ въ великій праздникъ Вещества,
 Здѣсь каждый атомъ полонъ голосами.

ДРЕВЕСНАЯ КОРА.

Въ корѣ древесной столько же расщелинъ
 Какъ на пространствѣ всей Земной коры.
 Вулканъ, не есть ли онъ жерло норы,
 Гдѣ шмель Огия, который безпредѣленъ?

Безбреженъ гудъ таинственныхъ молеленъ.
 Вулканъ вездѣ. Во всемъ огонь игры.
 Съ Земли до Неба, къ Брату отъ Сестры,
 Любовный пиръ, который вѣчно хмѣленъ.

Здѣсь пріютится маленький комокъ
 Чуть зrimыхъ мшилокъ. Тихое веселье.
 Аулъ среди Дарьяльского ущелья.

Жучки влѣзаютъ въ маленький домокъ.
 Въ Природѣ не найдешь нигдѣ бездѣлья.
 Они выводятъ стройный городокъ.

ОХОТА.

Шмели — бизоны въ клеверныхъ лугахъ.
 Какъ бычій ревъ глухой — ихъ гудъ тяжелый.
 Медлительные ламы, ноютъ пчелы.
 Пантеры — осы, сѣющія страхъ.

Вверху, па золотистыхъ берегахъ,
 Горячій Шаръ струитъ потокъ веселый.
 Залиты свѣтомъ нивы, горы, долы.
 Несчетныхъ крылъ вездѣ кругомъ размахъ.

Визгъ ласточекъ. Кричать ихтіозавры.
 Какъ остріе — стрижей летящій свистъ.
 Гвоздики въ вѣтрѣ, молча, бьютъ въ литавры.

Утайпый кустъ цвѣточенъ и тѣнистъ.
 И выползъ звѣрь. Шуршитъ о вѣтку вѣтка.
 Мохнатый мамонтъ. Жуткая медвѣдка.

КРОТЬ.

Отъ дѣтскихъ дней я полюбилъ крота,
 За то что ходить въ бархатной онъ щубкѣ,
 И бѣлизной его сіяютъ зубки,
 И жизнь его, среди существъ, не та.

Подземное, ночное, темнота.
 Межъ тѣмъ какъ въ солнцѣ жадныя голубки
 Глупѣютъ отъ пригоршни желтой крушки,
 Онъ все одинъ, и тамъ онъ, гдѣ мечта.

Внизу, вглуби, гдѣ вѣрно есть аллеи,
 И духовъ черныхъ башни и дворы,
 Гдѣ странные полночные пиры, —

Гдѣ земляные черви точно змѣи,
 Съ приказомъ жить лишь тамъ, а если тутъ
 Покажутся, немедленно умрутъ.

СОДРУЖЕСТВО.

Въ саду стоитъ работавшая лейка.
 Всѣ политы цвѣты. Имъ лучше такъ.
 Жасминъ — земной звѣзды являеть знакъ.
 Зеленаго вьюнка крутится змѣйка.

Цвѣтовъ и травъ царица-чародѣйка,
 Лепѣеть роза въ чашѣ теплый мракъ.
 Съ ней споритъ въ аломъ распаленный макъ.
 Въ лугахъ пастухъ. Стадамъ поетъ жалейка.

Тамъ дальше лѣсь. А передъ нимъ рѣка,
 Широкая, хрустальная, нѣмая.
 Два берега, въ руслѣ ее сжимая, —

Водѣ даютъ переплеснуть слегка.
 И нѣжный цвѣтъ зеленаго жука
 Горить, съ травы игру перенимая.

ЗМѢЙ.

Уходитъ длиною лентою рѣка,
 Среди луговъ, холмовъ, лѣсовъ синяя,
 Служа иѣмымъ изображенемъ Змѣя,
 Что спить и спить и будеть спать вѣка.

Лишь дышутъ зыбью сильные бока,
 Тамъ чешуя, волнообразно млѣя,
 Мгновенія подъятія лелѣя,
 Горитъ и манитъ взоръ издалека.

Покошены кусты душистой кашки,
 Вольнѣе ходить вѣтеръ по травѣ.
 Толкачики — на службѣ, какъ монашки.

Чирикаютъ кузнечики въ овражкѣ.
 Но Змѣй заснулъ. Лишь сны его, въ плотвѣ,
 Сверкаютъ вкось по влажной синевѣ.

ЛАСТОЧКА.

О чёмъ, летая, ласточка щебечетъ?
 Слѣпля грязь въ уютнѣйшій домокъ,
 Выводить въ немъ малютокъ въ краткій срокъ,
 Сама — мала, но и смѣла, какъ кречеть.

При встрѣчѣ съ ней воронѣ выпалъ нечетъ.
 Касатка мчитъ. Та — «Каркъ!» — и на утекъ.
 И вновь поетъ, прядетъ, струитъ намекъ,
 Летитъ, журчитъ, и грезитъ, и лепечетъ.

Я знаю. Ей уютно въ мірѣ тутъ.
 Тѣ звѣри-блѣдиолики, не изъ малыхъ,
 Что подъ ея окномъ селятся въ залахъ, —

Къ ней благосклонны, гибель ей не ткуть.
 А въ воздухѣ, въ лазоревыхъ провалахъ,
 Стадами мошки прямо въ ротъ текутъ.

ЖУЖЖАНЬЕ МУХЪ.

Жужжанье мухъ. О свѣтлое стекло
 Упрямое ихъ тонкое біене.
 И странная прозрачность раздѣленья.
 Все это вмѣстъ мысль мою влекло, —

Въ тѣ дни, когда въ полуверстѣ село
 Являлось чѣмъ-то въ дымкѣ отдаленья,
 Гдѣ буду вновь я только въ воскресенье,
 Когда звучатъ колокола свѣтло.

Съ тѣхъ поръ ужъ скоро минетъ полстолѣтъ.
 Но мнѣ дано быть долго молодымъ.
 Я въ пламени. Меня не тронеть дымъ.

Еще желаю цѣлый міръ пропѣть я.
 И не съ людьми я въ это лихолѣтъе.
 Я, звѣздъ, и птицъ, и мошекъ — побратимъ.

ДОГОВОРЪ.

Я въ договоръ вступилъ съ семьей звѣриной.
 Отъ дѣтскихъ дней. Стой чувствъ у насъ одинъ.
 Любовь къ любви. Искусство паутинъ.
 Я былъ бы равнымъ въ стаѣ лебединой.

Часами я передъ болотной тиной
 Сидѣлъ, какъ неизвѣстный властелинъ,
 Что смотрѣ устроилъ вѣхъ своихъ дружинъ,
 И какъ художникъ предъ своей картиной.

Мнѣ не безвѣстенъ черный плавунецъ.
 Я не однажды говорилъ съ тритономъ.
 Осоки лезвіились по затонамъ.

И цѣлымъ роемъ золотыхъ сердецъ,
 И алыхъ, по зеленымъ рдѣли склонамъ
 Цвѣты, шепча, что Солнце ихъ отецъ.

СВѢЧА.

Я мыслью прохожу по вѣмъ мірамъ,
 Моя свѣча предъ каждою иконой.
 Но если лѣсь кругомъ шумить зеленый,
 Я чувствую, что это лучшій храмъ.

Я прохожу неспѣшино по горамъ,
 Въ нихъ каждый камень истуканъ точеный.
 Не райской птицей, а простой вороной
 Я иногда ведомъ къ высокимъ снамъ.

Звукъ карканья неловкой сѣрой птицы
 Неопытенъ въ разрядѣ звуковомъ,
 Но даже въ немъ есть пѣсня и псаломъ.

Чернильной краской вброшенъ я въ страницы
 Блестящія. И чую гулкій громъ,
 Когда чуть вьется дымка отъ криницы.

У СТЕБЕЛЬКА.

Я задремалъ, смотря на стебелекъ,
 Въ косыхъ лучахъ пылающаго Шара.
 И вотъ лицо, которое не старо,
 Но древне, увлекло меня въ потокъ.

Я былъ красивъ, уклончивъ, и высокъ.
 Легко скользилъ по крутоему яра.
 Станица гдѣ-то въ пламеняхъ пожара
 Горѣла и сгорѣла въ краткій срокъ.

Я проходилъ въ серебряныхъ туманахъ.
 Я по широкой упльвалъ рѣкѣ.
 Двѣ бѣлые звѣзды невдалекѣ

Меня вели въ спокойно-звѣздныхъ странахъ.
 А Ночь, во-внѣ, зажгла, для сновъ медвяныхъ,
 Двѣ капельки росы на стебелькѣ.

СВѢТЛАЯ НОЧЬ.

Весь слитный садъ не шелохнетъ листомъ.
Безгласны лунно-сонныя аллеи.
Въ лазурномъ небѣ облачныя змѣи.
И дышетъ тайна всюду подъ кустомъ.

Вотъ тутъ построилъ ежъ свой малый домъ.
Вонъ тамъ въ дуплѣ пчелиныя затѣи.
Здѣсь въ маргариткѣ побывали феи.
Кузнечикъ въ ночь кричитъ: «А что потомъ?»

Потомъ — за край, весь міръ пройдя по краю,
Какъ въ воздухѣ безъ борьбы уходитъ звукъ,
Какъ съ крайняго листка скользитъ паукъ.

Вотъ, паутинку здѣсь я закрѣпляю.
Въ моей душѣ ни страха нѣть, ни мукъ,
Хотя въ умѣ великое: «Не знаю» .

ВСЕЛЕНСКИЙ СТИХЪ.

Мы каждый часъ не на Землѣ земной,
 А каждый мигъ мы на Землѣ небесной.
 Мы цѣльности не чувствуемъ чудесной,
 Не видимъ Моря, будучи волной.

Я руку протянулъ во мглѣ ночной,
 И ощутилъ не стѣны кельи тѣсной,
 А иѣкій міръ, огромный, безтѣлесный.
 Горитъ мой разумъ въ уровенѣ съ Луной.

Поднявъ лицо, я Солнцу шлю моленѣе,
 Склонивъ лицо, молюсь душой Землѣ.
 Весь Звѣздный міръ — со мной какъ въ хрусталь.

Міры поютъ, я голосъ въ этомъ пѣнѣ.
 Пловецъ я, но на звѣздномъ кораблѣ.
 Изъ радугъ льется звонъ стихотворенья.

МУДРОСТЬ ВЕСНЫ.

Я долго думалъ, пытку унимая,
 Что смысла нѣть въ мучительствѣ скорбей.
 Но благо знать, что въ боли есть ручей,
 И можно жить, его струѣ внимаю.

Лѣса не сразу знаютъ счастье мая.
 Шесть лунь имъ лютъ мертвящій токъ лучей.
 И вотъ онъ, май. Свѣтись же горячей,
 Съ деревъ умѣнье быть перенимая.

Они внимали вою жесткихъ бурь,
 Участъ у выюгъ напѣвамъ колыбельнымъ.
 Умѣй молчать какъ-будто въ снѣ смертельномъ.

Но въ часть весны ты больше взоръ не хмурь.
 Чтобъ вѣдать май, съ его восторгомъ цѣльнымъ,
 Должна въ себѣ вмѣстить сто зимъ Лазурь.

ЛЪСЬ.

Могучій лъсъ, то стройный, то косматый,
 Къ единству свелъ всѣ разности деревъ.
 Здѣсь иѣкій Демонъ Древа съялъ сѣвъ,
 И камни разбросалъ своей лопатой.

Опъ ворожитъ надъ чащей вороватой,
 Въ оврагахъ выявляетъ темный зѣвъ.
 Взрываетъ гулъ, и сразу присмирѣвъ,
 Съ земли повѣетъ сладостною мятою.

Кукушкой о любви прокуковавъ,
 Костры разсыпалъ красной земляники.
 Зайчатъ молиться учить въ маломъ крикѣ.

Далъ бѣлкѣ быстрый, птицамъ пѣвчій, нравъ.
 Велѣлъ грибамъ быть въ радованыи рдяномъ.
 Да будетъ всякъ — въ лѣсу — Великимъ Паномъ.

ЗАВѢТЬ.

Высокій красный лѣсь, сквозные боры,
 Измятый вѣтромъ, дикій буреломъ,
 Мѣдянка, тусклымъ свитая узломъ,
 Лѣсныхъ вершинъ глухіе разговоры, —

Луга, холмы, раздробленныя горы,
 Камней огромныхъ косвенный изломъ,
 Тиски стремнинъ, гдѣ бури копятъ громъ,
 Плетя ему пушистые уборы, —

Вотъ міръ, достойный помысла и струнъ.
 Вели мечтамъ, чтобъ въ бѣгѣ были ряны,
 Какъ ржущій убѣгающій табунъ, —

Какъ враній голосъ чернокнижныхъ рунъ,
 Какъ пчелы, что отъ красныхъ маковъ пьяны, —
 Чтобъ знать, что ты воистину былъ юнъ.

ТВОРЧЕСТВО.

О творчествѣ тоскуя съ дѣтскихъ дней,
 Дитя, лѣшилъ я облики изъ глины,
 И въ пальцахъ ощущалъ восторгъ единый,
 Быть можетъ, поцѣлуя онъ иѣжинѣй.

Въ дрожаны струнъ, въ мельканіяхъ тѣней,
 Въ сверканіяхъ летящей паутины,
 Внезапно открывались миѣ картины,
 Вдругъ пѣснь поетъ, я звукъ горящій въ ней.

Упорный полюсъ, тамъ гдѣ все — теченье,
 Мигъ Божества въ сознаніи людскомъ,
 Въ разбѣгъ весны упавшій сиѣжный комъ, —

Свяжу спономъ несчетныя сравненія,
 Но не схвачу я молнийный изломъ,
 Не очерчу словами — вдохновеніе.

ГОЛУБОЙ СОНЬ.

Отъ незабудокъ шелъ чуть слышный звонъ.
 Цвѣточный гудъ лелѣя надъ крутыми
 Холмами, васильки, какъ въ синемъ дымѣ,
 Въ далекій уходили небосклонъ.

Качался въ легкомъ вѣтрѣ ломкій ленъ.
 Вьюнокъ лазуриль змѣйками витыми
 Стволы деревъ съ цвѣтами молодыми.
 И каждый стволъ былъ свѣтомъ обрамленъ.

И свѣтъ былъ синь. Кипѣла въ перебоѣ
 Волна съ волной. Лазурь текла въ лазурь.
 Павлины спали въ царственномъ покоѣ.

Весь міръ въ пространство перешелъ морское.
 И въ этомъ снѣ, не знаявшемъ больше бурь,
 По небу плыло Солнце голубое.

ЛИПОВЫЙ ЦВѢТЬ.

Успокоителенъ медвяный ароматъ
 Непрелестящихъ липъ, согрѣтыхъ за день въ зноѣ.
 Зеленомудрое молчанье вѣковое,
 Изваянность и сонъ, въ объемѣ ихъ громадъ.

Какъ-будто на сто лѣтъ уснуль душистый садъ,
 Пріявши власть любви, хранить ее въ покоѣ.
 И зеркало пруда — какъ зеркало морское,
 Гдѣ Млечнаго Пути безгласный водоспадъ.

Крестообразная дремотствуетъ аллея.
 Подъ узловатою, таящей рябь, корой
 Проходятъ жилы норъ, чуть зrimыхъ жизнь лелѣя.

Подъ выступомъ дупла не логовище змѣя,
 Въ шуршаны бредовомъ пчелиный дикій рой.
 Межъ днемъ и днемъ въ ночи хмѣльная сновъ
 затѣя.

МУДРОСТЬ.

Замедля мыслью зрящею въ звѣриномъ,
Любовно возвращаясь къ тѣмъ рядамъ,
Которымъ имена пропѣлъ Адамъ,
Блуждая съ Евой по лѣснымъ долинамъ, —

Ваяя духъ свой такъ, чтобъ онъ къ картинамъ
Земли и Неба шелъ, какъ входять въ храмъ,
Ни за какое счастье не отдамъ
Я мудрость змѣя съ сердцемъ голубинымъ.

Въ извивѣ, ртомъ касаясь до хвоста,
Объемлетъ онъ весь кругъ міротворенъя.
Въ немъ Океанъ. Въ немъ голубое млѣниe.

И въ двухъ былинкахъ знаменье креста.
Я знаю, міромъ водить Красота,
Чтобъ въ безднѣ звѣздъ не умолкало пѣнье.

ЗДАНИЕ.

Изъ донесенной пламеннымъ жерломъ,
 Въ разлитіи остывшей, плотной лавы
 Основа дома. Стѣны — изъ дубравы.
 На срубахъ — мохъ невянущимъ узломъ.

Послушать любятъ, какъ играетъ громъ,
 Изъ ясения и клена архитравы.
 Конекъ вѣтрамъ вѣщаетъ: «Всѣ вы правы».
 Лазурь за каждымъ сторожить угломъ.

Уходитъ въ высь игла изъ чистой стали.
 На стали — пурпуръ. Знамя — Красота.
 Рѣзвятся въ небѣ тучки. Та и та.

А небо — цвѣть изысканной эмали.
 И громъ велить, чтобы каждая мечта,
 Идя къ другой, была какъ звукъ въ хоралѣ.

СОКРОВЕННОСТЬ.

Мой путь среди утесовъ крутоеменъ.
 Но я нашелъ въ объемѣ дикихъ скалъ,
 Чего, любя красивое, искалъ.
 И мнѣ не жаль, что въ мірѣ я бездоменъ.

Привольно духу въ срывахъ тѣхъ хороминъ,
 Что Геній Горь, когда онъ низвергалъ
 На глыбу глыбу, для себя слагалъ.
 Я царствую среди каменоломенъ.

Въ моихъ нокахъ цвѣтеть стоцвѣть, алмазъ.
 Изъ аметистовъ млѣющія стѣны.
 Опалъ мерцаеть, ворожка измѣни.

Для перстня камень есть кошачій глазъ.
 Всѣ камни къ свѣту вырвутся въ свой часъ,
 Какъ Красота — изъ океанской пѣны.

ПЕРСТЕНЬ.

Изъ золота чистѣйшаго оправа.

Линейность совершилъ южная, кругъ.

Чуть шевельнешь, и заиграетъ вдругъ

Въ гнѣздѣ всѣхъ красокъ — огненная слава.

Лучи бѣгутъ налево и направо.

Горитъ. Пожаръ утонченный вокругъ.

Въ немъ только радость, если ты мигъ другъ.

А если недругъ, сила въ немъ удава.

Въ захватной лапкѣ цѣпкаго гнѣзда

Три камня. Изумрудный, алый, синій.

Раздѣльно-трѣдиная звѣзда.

Качнешь вотъ такъ, увидишь города.

Они твои. Качнешь вотъ такъ, пустыней

Безжизненной ты скованъ навсегда.

АКВАМАРИНЬ.

Аквамаринъ, струясь по ожерелью,
 Втекаетъ въ переливную волну,
 Которая поетъ про глубину,
 Зеленовато-свѣтлою свирѣлью.

Цвѣта въ цвѣты съ лукавой входятъ цѣлью
 Расширить власть, увлечь къ любви и сну,
 Звено съ звеномъ вести въ вѣка весну,
 Цвѣта влекутъ нась къ хмѣлю и похмѣлью.

Цвѣты землѣ. Цвѣта и въ глубь земли
 Уходятъ, напѣвая завлеченье.
 Аквамаринъ глубинное теченье.

Въ землѣ рыдали страстью хрустали.
 Влюбились въ листъ. Ихъ мысли въ нихъ зажгли
 Зеленовато-зыбкое свѣченье.

ЛУЧШИЙ СТИХЪ.

Прекрасно-тяжки золотые слитки,
Природою заброшенные къ намъ.
Прекрасенъ вихрь, бѣгущій по струнамъ,
Ручистость звуковъ, льющихся въ избыткѣ.

Прекрасна мудрость въ пожелтѣломъ свиткѣ,
Сверканья тайнъ, огонь по письменамъ.
Прекраснѣй — жизнь отдать бѣгущимъ снамъ,
И расцвѣтать съ весной, какъ маргаритки.

Изъ всѣхъ, мечтѣ дарованныхъ, цвѣтовъ,
Быть-можеть, этотъ цвѣтикъ самый скромный,
Такой простой, невинный, неизломный.

Въ немъ не отыщешь орхидейныхъ сновъ,
Ни тѣхъ, что ирисъ дасть изящно-темный.
Но лучшій стихъ — гдѣ очень мало словъ.

ЗЕРКАЛЬНОСТЬ.

Въ прерывистыхъ и скорыхъ разговорахъ,
О сказочномъ, о счастьи, бытіи,
Мнѣ нравятся реченія твои,
Въ нихъ искра, зажигающая порохъ.

Что ты не замедляешься на спорахъ,
А льешь свой умъ, какъ вспѣвность лютъ ручы
Что выпѣваешь душу въ забытьи, —
Люблю, и слышу крыльевъ нѣкій шорохъ.

Какъ полубогъ Эллады, Гераклитъ,
Съ усладой, правду видишь ты двойную.
Ты какъ бы зовъ: «Люблю, но не ревную» .

Ты словно ликъ загрезившихъ ракитъ: —
Вода зеркалить вѣтку вырѣзную,
Другая вѣтка связь съ землей крѣпить.

ХУДОЖНИКЪ.

Къ сосцамъ могучей Матери Земли,
 Протянутымъ всѣмъ подлиннымъ и сущимъ,
 Припавъ, какъ сынъ, ты жадно пьешь сосущимъ
 Лобзаніемъ и медъ и миндали.

И лашыши, что пьяно расцвѣли,
 Какъ свѣчечки по многотѣннымъ кущамъ,
 И яркій день, что жжетъ огнемъ нелгущимъ,
 И громкій смѣхъ, и тихій звонъ вдали.

Ни раною, ни мыслью не отравленъ,
 Въ размѣрности ты все вбираешь въ сонъ
 Своихъ зрачковъ. Ты какъ бы сышъ племенъ, —

Которымъ первый мигъ Земли былъ явленъ.
 Весь цѣльный лучъ въ тебѣ сейчасъ прославленъ,
 Хоть радугой еще не преломленъ.

РАЗЛИЧНОСТЬ.

На слизистой спинѣ нѣмой медузы
 Изображенъ краснорѣчивый крестъ.
 Цвѣты цвѣтуть среди проклятыхъ мѣсть..
 Различность любить странные союзы.

Публичный домъ неразъ воспѣли Музы.
 И развѣ тамъ не тысяча певѣстъ?
 Взгляни въ себя. Взгляни душой окрестъ.
 Связываютъ все таинственные узы.

Не геній ли, не мощный ли Шекспиръ,
 Отвергнувъ жизнь средь королей и славы,
 Взлюбилъ, преклонный, малыя забавы?

Познавши весь многообъемный міръ,
 Любилъ играть онъ въ шахматы. И въ этомъ
 Онъ до конца высокимъ былъ поэтомъ.

ПРОЗРЪНИЕ.

За днями мелководія мечты
 Бывають дни — въ сознаныи все напѣвицій,
 И слышишь голосъ Міра, голосъ древній,
 Идущій изъ глубокой темноты.

Приходитъ вдругъ. Сидишь случайно ты
 Предъ малой деревенскою харчевней,
 Такой, что, можетъ, нѣтъ другой плачевній,
 И чувствуешь — безбрежность Красоты.

Слѣпой скрипачъ пиликаетъ убого.
 Куда ведетъ онъ жалкій свой смычокъ?
 Въ бездонность. Сердце чувствуетъ намекъ.

Мы все здѣсь въ мірѣ — въ вѣрной длані Бога.
 Онъ всѣмъ намъ задалъ выполнить урокъ.
 Для каждого — лишь звѣздная дорога.

ДАЛЕКОЕ.

Когда весь миръ какъ-будто за горой,
 Гдѣ все мечта и все недостовѣрно,
 Подводный я любилъ романъ Жюль-Верна,
 И Нэмо Капитанъ быть мой герой.

Когда предъ фортепьяно, за игрой,
 Онъ тосковалъ, хоть нѣсколько манерно,
 Я въ Океанѣ съ нимъ качался мѣрино,
 И помню, слезы хлынули струей.

Потомъ я страстно полюбилъ Майнъ-Рида,
 Но былъ ручной отвергнутъ Вальтеръ-Скоттъ.
 Прошли года. Быть-можеть, только годъ?

Мнѣ грезится Египетъ, Атлантида.
 Далекое. И мой Сіамскій котъ
 «Плыви въ Сіамъ!» мурлыча мнѣ поеть.

СИЛА БРЕТАНИ.

Въ таинственной, какъ лунный свѣтъ, Бретани,
 Въ узорной и упрямой старинѣ,
 Упорствующей въ этомъ скудномъ днѣ,
 И только въ давнихъ дняхъ берущей дани

Обычаевъ, уборовъ, и преданій,
 Есть до сихъ поръ друиды, въ тишинѣ,
 Отъ Солица отдѣленной, тамъ на днѣ,
 Въ Атлантикѣ, въ загадкѣ, въ Океанѣ.

Въ тѣ ночи, какъ колдуетъ здѣсь Луна,
 Съ Утеса Часъ видно глубь залива.
 Въ водѣ — дубравы, храмы, глыбы срыва.

Проходятъ привидѣнья, духи сна.
 Вся древность словно въ зеркалѣ видна,
 Пока ее не смоетъ мощь прилива.

СИБИРЬ.

Страна, гдѣ мчитъ теченье Енисей,
 Гдѣ на горахъ червоншаго Алтая
 Бѣлѣютъ орхидеи, расцвѣтая.
 И вольный духъ вбираешь грудью всей.

Тамъ есть кабанъ. Медвѣдь. Стада лосей.
 За кабаргой струится мускусъ, тая.
 И льется къ Солнцу пѣсня молодая.
 И есть поля. Чѣмъ хочешь, тѣмъ засѣй.

Тамъ на утесь, гдѣ чары всѣ не наши,
 Не изъ низинъ, взошелъ я, въ міръ такой,
 Что не былъ смять ничьей еще ногой.

Во влагу, что въ природной древней чашѣ
 Мерцала, не смотрѣль никто другой.
 Я заглянуль. Тотъ мигъ всѣхъ миговъ краше.

ЛУННАЯ ВОДА.

Взявъ бронзовое зеркало рукою,
И раковину взявъ другой, Фанъ-Чжу,
Онъ ровно въ полночь вышелъ на межу,
И сталъ какъ столбъ дорожный надъ рѣкою.

Змѣился лунный отсвѣтъ по ножу,
На поясѣ. Зеркальностью двойною
Онъ колдовалъ и говорилъ съ Луною.
Шепнулъ: «И до зари такъ продержу» .

Но этого не нужно даже было.
Струился влагой лунный поцѣлуй.
Роса по травамъ и цвѣтамъ свѣтила.

Цвѣты дымиться стали какъ кадила.
И вотъ роса зовется Шанъ-Чи-Шуй,
Что значитъ: Колдованье высшихъ струй.

КИТАЙСКОЕ НЕБО.

Земля — въ Водѣ. И восемью столбами
 Закрѣплена въ лазури, гдѣ надъ ней
 Восходитъ въ Небо девять этажей.
 Тамъ Солнце и Луна съ пятью Звѣздами.

Семь сводовъ, гдѣ Свѣтила правятъ нами.
 Восьмой же сводъ, зовущійся Ва-Вэй,
 Крутящаяся Привязь, силой всей
 Связуетъ сводъ девятый какъ цѣпями.

Тамъ Полость Мира. Онъ сіяеть вкось.
 Царица Нюй-Гуа, съ змѣинымъ тѣломъ,
 Съ мятежникомъ Гунъ-Гуномъ билась смѣльымъ.

Упавъ, онъ мѣдь столбовъ раздвинулъ врозь.
 И изъ камней Царица, пятицвѣтныхъ,
 Рядъ сдѣлала заплатъ, въ ночи замѣтныхъ.

ТКАНЬ.

Склонившись, Китаянка молодая
 Любовно ткетъ узорчатый коверъ.
 На немъ Земли и Неба разговоръ,
 Гроза прошла, по высямъ пропадая.

Цвѣтные хлопья тучекъ мглѣютъ, тая,
 Заря готовить пламенный костеръ.
 А очеркъ скаль отчетливъ и остерь,
 Но лучше садъ предъ домикомъ Китая.

Что можетъ быть прекраснѣй, чѣмъ Китай.
 Здѣсь живописна даже перебранка,
 А греза мига свѣтить какъ свѣтлянка.

Сидѣть вѣка и пить душистый чай.
 Когда передо мною Китаянка,
 Весь міръ вокругъ одинъ цвѣточный рай.

КИТАЙСКАЯ ГРЕЗА.

Вэй-Као полновластная царица.
 Ея глаза и ёжики, чёмъ миндали.
 Сравняться въ чарахъ съ дивной не могли
 Ни звѣрь, ни рыбка, ни цвѣтокъ, ни птица.

Она спала. Она была дѣвица.
 Съ двойной звѣзды, лучившейся вдали,
 Два духа легкокрылые сошли.
 Душистая звѣздилася ложница.

И съ двухъ сторонъ къ дремавшей подойдя,
 Кадильницу пахучую качали.
 Цвѣты на грудь легли, ихъ расцвѣчали.

И зачала отъ этого дождя.
 И, сына безболѣзенно рождая,
 Она и въ немъ была звѣздой Китая.

ЗАНАВѢСЬ.

Китайскій красный занавѣсь такъ алъ,
 Что у меня въ глазахъ какъ бы круженье
 Багряныхъ птицъ, и призраковъ служенье
 Огнямъ заката на уступахъ скаль.

Здѣсь Демонъ Крови краски подыскалъ.
 Вулканъ свое тотовилъ изверженье,
 Не совершилъ, и передалъ внушенье
 Тому, кто этотъ замыселъ слагалъ.

Лазурно-изумрудныя деревья.
 Густые гроздья голубыхъ цвѣтовъ.
 И облачковъ закрѣплены кочевья.

И шесть десятковъ зеркалецъ, для сновъ
 Той иѣжной, чья свершилась греза дѣвья,
 Кому весь этотъ свадебный покровъ.

СПОРЪ ДУХОВЪ.

Споръ духовъ перешелъ ужъ въ перебранку,
 А кто хитрѣй, все не былъ споръ рѣшенъ.
 Тогда, чтобъ разумъ былъ завороженъ,
 Духъ Юга людямъ показалъ Испанку.

Духъ Сѣвера зажегъ мечту-свѣтлянку.
 Духъ Запада, замысливъ гордый сонъ,
 Спаялъ всѣхъ музыкальныхъ гудовъ звонъ.
 Но духъ Востока, дунувъ, создалъ танку.

Пять чувствъ, какъ пятицвѣтную печать,
 Сгустивъ и утончивъ необычайно,
 Умъя сердце научить молчать, —

И чуть шептать, чтобъ расцвѣтала тайна,
 Велѣль Японецъ танкъ зазвучать, —
 Пять малыхъ строкъ поютъ, горя безкрайно.

СТРАНА СОВЕРШЕННАЯ.

Въ Японіи, гдѣ свѣтять хризантемы,
 Какъ свѣтять въ небѣ звѣзды въ чашь почей,
 Въ Ниппонѣ, гдѣ обѣятья горячѣй,
 Но гдѣ уста для поцѣлую я иѣмы, —

Гдѣ всѣ холмы, какъ части теоремы,
 Размѣрны, — гдѣ, віась въ поляхъ, ручей
 Есть чашь картины, — гдѣ потокъ лучей!
 Златыми явить и стальными шлемы, —

Въ Нихонѣ, въ Корнѣ Свѣта, гдѣ и свѣтъ
 Какъ будто не природно безучастенъ,
 А съ мыслью вмѣстъ и сердцамъ подвластенъ, —

Я видѣлъ сонъ, что каждый тамъ поэтъ,
 Что мигъ свиданья полночѣвно страстенъ,
 За страстью же — раскаянія иѣтъ.

ЯВАНСКИЙ САДЪ.

О, Бейтензоргъ. Пышнѣйшій въ мірѣ садъ,
 Гдѣ сонмами мерцаютъ орхидеи,
 Мѣняя до несчетности затѣи,
 Размѣры, обликъ, краски, ароматъ, —

Гдѣ Демонъ Ночи, притаившись, радъ
 Заслышать, какъ шуршать въ ліанахъ змѣи,
 И чуютъ задремавшія аллеи
 Всѣхъ запаховъ ликующей набать.

Я тамъ бродилъ въ почахъ съ моей желанной,
 И ящерица гекко, точно гномъ,
 Кричала «Гекко!» гдѣ-то за угломъ.

Вся жизнь земная чудилась мнѣ странной,
 Я самъ себѣ казался чымъ-то сномъ,
 Одна любовь являлась необманной.

СВѢТЛЯНКИ.

Въ холодныхъ странахъ свѣтятъ свѣтляки,
Въ тѣ ночи, что назначены свѣтящимъ,
Фонарикомъ зеленымъ и дрожащимъ
Они въ травѣ лѣбѣютъ огоньки.

Въ почахъ Яванскихъ рдѣютъ вдоль рѣки
Крылатыя свѣтлянки, и по чащамъ
Скользятъ напѣвомъ, глазу говорящимъ,
Сближаются какъ странные зрачки.

По выдыхамъ земли обильной, мглистымъ,
Гдѣ баобабъ объемъ раскинулъ свой,
Онѣ игрой вздыхаютъ лучевой, —

Оркестромъ переливно-серебристымъ.
И смотрятъ съ неба звѣзды въ этотъ рой,
Что власть пашель быть молча голосистымъ.

ЦВѢТА ДРАГОЦѢННАГО.

Онъ жертву облекалъ, ее сжимая.
 У дикаго плѣненнаго козла
 Предсмертная въ глазахъ мерцала мгла,
 Покорность, тупость, и тоска нѣмая.

Онъ жертву умертвилъ. И, обнимая,
 Всю размягчилъ ее. Полусвѣтла,
 Слюна изъ пасти алчущей текла.
 А міръ кругомъ былъ весь во власти мая.

Насытился. И, сладко утомленъ,
 Свой двухсаженный ростъ раскинулъ мглистый.
 Мерцаютъ въ кожѣ пятна-аметисты.

Его къ покою клонить нѣжный сонъ.
 И спаль. Голубовато-пепелистый,
 Яванскій аметистовый питонъ.

БОРО-БУДУРЬ.

Храмъ бѣлыхъ Буддъ. Гигантъ Боро-Будуръ.
 Террасы на террасахъ въ слитномъ зданыи.
 Расцвѣтность глыбъ могучихъ, въ обаяныи
 Окрестныхъ горъ, чей цвѣтъ и сѣръ и буръ.

И мудрый слонъ, и крѣпкорогій туръ,
 Здѣсь возникаютъ только въ изваянныи.
 Струится духъ здѣсь въ каменномъ преданыи,
 И смѣна ликовъ — смыслъ змѣиныхъ шкуръ.

Приди, земной, и погаси пожары,
 Въ которыхъ медлять нищіе цари.
 Найди въ себѣ дневныя дѣя зари.

Царевичъ отказался здѣсь отъ чары
 Царить во-виѣ, чтобы быть царемъ внутри.
 Раскрой свой духъ, и бѣлый свѣтъ бери.

ПЛЯСКА КОЛДУНА.

Одинъ, ничьи не ощущая взоры,
 Въ ложбинѣ горной, вкругъ огня кружась,
 Опъ въ плясѣ шелъ волшебный Папуасъ,
 Изображая танцемъ чьи-то споры.

Онъ вель съ огнемъ дрожавшимъ разговоры.
 Курчавый, темный, съ блескомъ черныхъ глазъ,
 Сплеталъ руками длительный разсказъ,
 Ловилъ себя, качаль свои уборы.

Хвостъ райской птицы въ пышности волосъ
 Взметался какъ султанъ незримой битвы.
 Опять кружась, онъ длилъ свои ловитвы.

Я видѣлъ все, припавши за утесь.
 И колдовскія возмогли молитвы.
 Какъ жезлъ любви, огонь до тучъ возrostъ.

ОСТРОВНОЕ СОЗВѢЗДІЕ.

Загарно-золотистыя тѣла.

Здѣсь старики, какъ юноши, все юны.

А женщины поютъ какъ гамаюны.

И пляшутъ. Ихъ душа въ глазахъ свѣтла.

Здѣсь наши не звучать колокола.

Циклонъ промчится. Прогремятъ буруны.

И снова тиши коралловой лагуны.

Все та же стройность, какъ вѣка была.

Здѣсь радованье медленной планеты.

«Любовь тебѣ!», «Талѣфа!», и «Тофа!»,

«Съ тобою миръ!» — обычные привѣты —

Втекаютъ въ жизнь, какъ за строфой строфа.

И въ Вѣчности плыветь твои каноа,

Въ созвѣздіи, зовущемся Самоа.

ЗАКАТНАЯ РИЗА.

Я уплывалъ по морю Гаваики,
 До южной грани края Маори.
 Зажглись, метнувши желтымъ, лантари,
 Слились и разлились какъ сердолики.

Огни змѣились ходомъ повилики,
 Пылалъ гранатъ вечеровой зари.
 Изъ красныхъ тучъ сложились алтари,
 Нѣмой огонь гремѣль въ багряномъ крикѣ.

Вдругъ занавѣсь пурпурно-огневой
 Порвалъ продольность разожженной ризы.
 И глянула Мѣсяцъ мертввой головой, —

Испуганный, еще полуживой.
 Могучій валъ, въ перекипаны сизый,
 Каноа мчалъ въ пустынѣ міровой.

ДРЕВО ТУЛЕ.

Я былъ въ одной изъ самыхъ крайнихъ Туле.
 Она лежитъ среди лѣсистыхъ странъ.
 Тамъ самъ собой магей медвяно пьянъ.
 Въ глазахъ людей преданья потонули.

Въ отвѣтъ на громъ тамъ изумрудъ въ разгулѣ.
 Зеленый попугай среди ліанъ.
 Старѣйшій спить древесный великанъ.
 Гигантскій можжевельникъ въ тихомъ гулѣ.

Стволъ ширится огромною дугой.
 Чтобы обнять могучее то древо,
 Должна возстать толпа рука съ рукой.

Пасхальной ночью слышенъ звукъ напѣва.
 Предъ Духомъ Дней проходитъ смуглый рой,
 Припоминая давній обликъ свой.

ДОРОГОЙ ДЫМА.

Далекій край, гдѣ древле были щумы
 Не нашихъ битвъ, нарядъ не нашихъ странъ,
 Гдѣ сердце вырубалъ обсидіанъ,
 Лазутчикъ былъ въ лѣсу хитрѣе пумы —

Къ твоимъ горамъ мои уходятъ думы,
 Тамъ храмомъ не одинъ горѣлъ вулканъ,
 И пѣнныій дымъ качалъ тамъ Океанъ,
 И дымъ иной былъ въ грѣзѣ Монтезумы.

Звенѣньемъ золотыхъ колокольцовъ
 Своихъ сандалій — вброшенъ въ ритмъ дремотный,
 Вотъ курить онъ. За кругомъ кругъ несчетный.

И новый міръ встаетъ изъ дымныхъ сновъ.
 Его табакъ пришелъ туда впервые.
 И мы — его, чрезъ волны голубыя.

СИНІЙ ЖГУТЬ.

Для мудраго не можетъ быть вопроса,
 Что между самыхъ ласковыхъ минутъ,
 Которыя дано намъ вѣдать тутъ,
 Одна изъ самыхъ иѣжныхъ — папироза.

Въ ней жертва есть. Отъ горнаго откоса
 Восходитъ синій дымъ, свиваясь въ жгуть.
 Ручьи воспоминанія текутъ.
 Бѣлѣеть дымка. Слышенъ всплескъ у плеса.

Въ ней вольный, хоть любовный, поцѣлуй.
 Дыханье — черезъ близъ приникновенья.
 Душистое зажженное мгновеніе.

Сpirали, уводящихъ грезу, струй.
 Двойная жизнь души и арабесокъ,
 Съ качаньемъ въ Вѣчность — легкихъ занавѣсокъ.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Голубоватое кольцо, все кольца дыма,
 Моихъ Египетскихъ душистыхъ папироſъ,
 Какъ очертанья сна, какъ таяніе грезъ,
 Создавши легкое, уйдутъ неизслѣдимо.

Я мыслью далеко. Я въ самомъ сердцѣ Рима.
 Тамъ обѣ Антоніи поставленъ вновь вопросъ.
 И разрѣшенъ сполна. Какъ остріями косъ,
 Обрѣзанъ стебель травъ, и жизнь невозвратима.

Я знаю, Римлянинъ не долженъ былъ любить,
 Такъ пламенно любить, какъ любятъ только птицы
 Очарованія Египетской царицы.

Но Парки намъ плетутъ, и намъ обрѣжутъ, нить.
 Я вѣдалъ въ жизни все. Вся жизнь лишь блескъ
 зарницы.

Я счастливъ въ гибели. Я могъ, любя, любить.

ШАМАНЪ.

Шаманъ, глушацій сразу въ сердцѣ боль,
 Волшебникъ грезъ и ниршествъ веселящихъ,
 А также ссоръ и словъ какъ ножъ разяющихъ,
 Ты, самокоронованный король, —

Ты, царь царей, ласкающій, доколь
 Не бросишь въ грязь, какъ лѣшій въ темныхъ
 чащахъ,
 Сразитель вѣрныхъ, сномъ смертельнымъ спящихъ,
 Я зналъ твой быстрый пламень, Алкоголь.

Алхимикъ, то съ глазами василиска,
 Преобразитель геніевъ въ калѣкъ,
 То радостный, какъ звукъ разливныхъ рѣкъ, —

То влюбчивый, какъ ночью одалиска,
 Я радъ, что знаемъ мы другъ друга близко,
 Я счастливъ, что прогналъ тебя навѣкъ.

ЯДЪ.

Мнѣ чужды Сатанинскія забавы.
 Сновидецъ — Опій. Власть даетъ Гашишъ
 Глубь мѣрить глубже, тише чуять тиши.
 И Морфій видитъ стѣны въ блескахъ славы.

Но я мои сонеты и октавы
 Имъ не отдамъ. Мнѣ дорогъ Ядъ, но лишь
 Такой, въ которомъ творчески гориши,
 И какъ вулканъ, стремиши потоки лавы.

Мой ядъ — Любовь. Любить. Любовь къ любви.
 Любовь къ мірамъ. Любовь къ малѣйшей мошкѣ.
 Ведутъ мои садовыя дорожки

Къ безмѣрнымъ тайнамъ, дремлющимъ въ крови.
 Есть сонъ: — Былъ медъ. Но не хватало ложки.
 Есть сонъ: — Здѣсь медъ. Всегда. Лишь позови.

РОЖДЕНИЕ МУЗЫКИ.

Звучало Море въ грани береговъ.
 Когда всѣ вещи Мира были юны,
 Слагались многопѣвные буруны,
 Въ нихъ былъ и гудъ струны и ревъ роговъ.

Былъ музыкою лѣсъ и каждый ровъ.
 Цвѣли цвѣты, огромные какъ луны,
 Когда въ сознаньи прозвучали струны.
 Но звонъ иной былъ первымъ въ ладѣ сновъ.

Повѣялъ вѣтеръ въ тростники напѣвно,
 Чрезъ ихъ отверстья ожили луга.
 Такъ первая свирѣль была царевна

Вѣтровъ и воли, смывшей берега.
 Еще, чтобы месть и мечъ запѣли гнѣвно,
 Я сдѣлалъ флейты изъ костей врага.

СВИРЬЛЬ.

Журчаніе пастушеской свирѣли,
 Ростущее съ разсвѣтнымъ свѣтомъ въ ладъ.
 Движеніе удаляющіхся стадъ.
 Дремлю. Такъ хорошо побыть въ постели.

На вѣнчикахъ цвѣтовъ, какъ въ колыбели,
 Оставилъ росы огненный закатъ.
 Ихъ самоцвѣтамъ глазъ вчера былъ радъ,
 Сейчасъ онъ вторично заблестѣли.

Тамъ холодно. А здѣсь мнѣ такъ тепло.
 Смыкаются усталыя рѣсицы.
 Мнѣ все равно, что будетъ, что прошло.

Умъ потонулъ. Деревьевъ вереницы.
 Лѣсь. Наводненіе. Искрится весло.
 Поютъ въ вѣтвяхъ лазоревыя птицы.

ВОЛЕЮ РУКЪ.

Настраниванье скрипокъ. Токъ ручьевъ,
 Себя еще пытающихъ, первовныхъ,
 Но тронувшихъ края надеждъ верховныхъ,
 И сразу доходящихъ до основъ.

Духъ пробужденъ. Въ немъ свѣтъ, который новъ.
 Пробѣгъ огней, утонченно-духовныхъ.
 Миръ возниканья сновъ беспрекословныхъ,
 По волѣ прикасанія смычковъ.

Мигъ тишины. Въ огняхъ застыла зала.
 Не дрогнетъ жезлъ въ приподнятой рукѣ.
 Еще сейчасъ душа была въ тоскѣ.

Вотъ, въ пей мгновенно притупилось жало.
 И съ пальцевъ рукъ теченье побѣжало.
 И духъ плыветъ въ ликующей рѣкѣ.

МУЗЫКА.

Кто шепчетъ черезъ музыку съ сердцами,
 Что говорить въ пей волею съ душой?
 Мы грезой зачарованы чужой,
 И тотъ чужой — родной, онъ плачетъ съ нами.

Проходятъ тѣни прошлаго струнами.
 Душа заворожилась глубиной.
 Ты тайный — за прозрачною стѣной,
 Недосяжимо-близко, и съ крылами.

Что въ музыкѣ? Восторгъ, неожданность, боль.
 Звукъ съ звукомъ — обручившіяся струи.
 Сливанье въ Волю сонма разныхъ воль.

О, всѣ живые были въ поцѣлуѣ.
 Съ очей слѣпыхъ вдругъ отошли чешуи.
 Еще побыть въ прозрѣнїи дозволь.

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ.

На уводящихъ проволокахъ иней,
 Сгущенный, весь изваянныи Луной.
 Чрезъ окна говорятьъ они со мной,
 Тѣ дружные ряды продольныхъ линий.

Я далеко. Надъ Капри воздухъ синій.
 Волна, играя, говоритьъ съ волной.
 Горитъ Везувій. Лава пеленой.
 Вѣтвится дымъ разливомъ черныхъ пиній.

Я съ вами, пламя, золото, и сталь.
 Я тамъ, гдѣ жерла, срывы горъ, изломы.
 Во мнѣ всегда поетъ и кличетъ даль.

Въ душѣ хотятъ прорваться водоемы.
 Бьетъ полночь. Блѣдный, сѣль я за рояль.
 И въ тишинѣ смотрящей были громы.

ДВА ГОЛОСА.

Она мнѣ говоритъ: «Я ласкою объемлю».
 И онъ мнѣ говоритъ: «Я горячай горю».
 Я слушаю его. И ей любовно внемлю.
 Обоимъ имъ въ душѣ воздвигъ по алтарю.

Я въ колебаніи качаюсь и творю.
 Душой звенящею я музыку пріемлю.
 И звонъ малиновый поетъ мою зарю.
 И океанами разсвѣтъ объемлетъ землю.

Она мнѣ говоритъ. И женскому я радъ.
 Но онъ мнѣ говоритъ. Я съ нимъ въ иномъ законѣ.
 По влагѣ пламенной плыву въ огнистомъ стонѣ.

И вотъ ужъ лунный ходъ размѣренныхъ сонатъ,
 Какъ вѣтръ отяжелѣвъ набатомъ благовоній,
 Вступаетъ въ солнечность ликующихъ симфоній.

ЗОВЫ ЗВУКОВЪ.

Звукъ арфы — серебристо-голубой.
 Вскликъ скрипки — блескъ алмаза хрусталистый.
 Віолончели — медъ густой и мглистый.
 Рой красныхъ струй, исторгнутый трубой.

Свирѣль — лазурь, разъятая борьбой,
 Кристаллъ разбитый, утра ходъ росистый.
 Колоколецъ ужалы — сонъ сквозистый.
 Рояль — волна съ волною въ перебой.

Но какъ среди плодовъ душисто манго,
 Струя истомно-пряный ароматъ,
 Мне хочется всегда уйти назадъ, —

Туда, гдѣ былъ, — гдѣ сини воды Ганга, —
 И дальше, до ліанъ, въ Яванскій садъ,
 Къ тоскѣ ручистой звуковъ гамеланга.

МЕРТВЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Сердца къ сердцамъ, и къ безднамъ кличутъ бездны
 Въ ночи безъ словъ къ звѣздѣ поетъ звѣзда.
 И зовъ дойдетъ, но, можетъ быть, тогда,
 Когда звѣзда лишь гробъ себя желѣзный.

Прекрасенъ пологъ Ночи многозвѣздный,
 Но жизнь творитъ лишь тамъ, гдѣ есть вода.
 Когда-жь она изсохла навсегда,
 Звѣзда лишь знакъ изящно-безполезный.

Тамъ русла рѣкъ, гдѣ влага не течеть.
 Тамъ бродятъ лишь бесплотнѣйшія тѣни,
 Безъ жажды, безъ любви, безъ вожделѣній.

И нѣть цвѣтовъ тамъ, чтобы собрать съ нихъ медъ.
 Нѣть больше тайнъ. И чарой пѣснопѣній
 Душа тамъ въ плѣни другую не возьметъ.

ЛЮБИ.

«Люби!» поютъ шуршащія березы,
 Когда на нихъ сережки расцвѣли.
 «Люби!» поетъ сирень въ цвѣтной пыли.
 «Люби! Люби!» поютъ, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И бѣги угрозы
 Безстрастія. Твой полдень вмигъ — вдали.
 Твою зарю теченья зорь сожгли.
 Люби любовь. Люби огонь и грэзы.

Кто не любилъ, не выполнилъ законъ,
 Которымъ въ мірѣ движутся созвѣздья,
 Которымъ такъ прекрасенъ небосклонъ.

Онъ въ каждомъ часѣ слышитъ мертвый звонъ.
 Ему никакъ не избѣжать возмездья.
 Кто любить, счастливъ. Пусть хоть распять онъ.

ОНЬ.

Онъ проточилъ и пробуравилъ горы.
 Разрѣзalъ исполинскій материкъ,
 И корабельный караванъ возникъ
 Тамъ, гдѣ лѣсные ширились просторы.

Онъ звѣзды размѣстилъ въ ряды и хоры.
 Онъ мысль свою, какъ мчащійся двойникъ,
 Пошлетъ въ пространство искрой, искра — крикъ,
 Чрезъ Океанъ ведетъ переговоры.

Задачи нѣть, которую бы онъ
 Не разрѣшилъ повторностью усилия.
 Онъ захотѣлъ — и онъ имѣеть крылья.

До Марса досягнуть — падменный сонъ.
 И сбудется. Но въ безднахъ изобилья
 Онъ долженъ гнаться до конца временъ.

ОНА ПОКОИТСЯ.

Она покоится. Двѣ бѣлыхъ чаши — груди.
 Два пеба голубыхъ — закрытые глаза.
 Ея-ли въ томъ вина, что въ высяхъ бирюза
 То дремлетъ въ тишинѣ, то въ грозномъ рдѣеть
     гудѣ.

Черезъ нее, въ борьбѣ, съ богами равны люди.
 И станетъ сказкою, свой мигъ проживъ, гроза,
 Безсмертнымъ жемчугомъ — минутная слеза.
 И дикая рѣзня — въ напѣвномъ будеть чудѣ.

Она покоится. До нѣжнаго бедра
 Точеная рука чуть лнется въ изгибѣ стройномъ.
 Ей суждено пребыть видѣніемъ спокойнымъ, —

Въ вѣкахъ оправданий, впѣ зла и виѣ добра.
 Она покоится, межъ звѣздъ, гдѣ дышетъ мѣра,
 И въ несмолкающихъ гекзаметрахъ Гомера.

ОНА.

Когда предъ нею старцы, стражи лона,
 Склонились, другъ до друга говоря: —
 «Смотрите, розоперстая заря!»,
 Она возникла въ мірѣ виѣ закона.

Какъ сладкій звукъ, превыше вихрей стона,
 Какъ царская добыча для царя,
 Какъ пѣснь весны, какъ пламя алтаря,
 Какъ лунный серпъ въ опалѣ небосклона.

Какъ мигъ любви, что самъ себѣ законъ,
 Какъ звонъ оковъ законченнаго плѣна,
 Какъ въ ливнѣ быстрыхъ радугъ перемѣна.

Какъ въ снѣ вѣковъ единый вѣрный сонъ,
 Дочь лебедя, волны вскипѣвшей пѣна,
 Грань торжества, звѣзда средь женъ, Елена.

ПУТЬ КЪ КОВЧЕГУ.

Ты мнѣ сказала: «Видиши дождь бѣгущій?
Но надъ дождемъ семирасцвѣтный мостъ.
Тамъ рѣки красокъ. Духи тамъ и кущи.
Кователи рубиновъ, сновъ, и звѣздъ.

«Бѣги. Нашъ путь къ ковчегу прямъ и простъ.
Хоть прикоснись. Я встрѣчу лаской ждущей».
Ахъ, птицы райской такъ уклончивъ хвостъ,
А крылья райской — взглядъ любви берущей.

Я побѣжалъ. Спѣшилъ. Усталъ. Продрогъ.
Но бысть мгновеніе въ семицвѣтномъ храмѣ,
На пресѣченыи десяти дорогъ.

Домой пришелъ лишь съ мокрыми руками.
Но ты сказала: «Сдѣлалъ все, что могъ»,
И целовала алыми губами,

БОГЪ ПРИКЛЮЧЕНЬЯ.

Богъ Приключения, межъ боговъ богатый,
Повель меня въ безвѣстную страну.
Тамъ лѣто за собой ведеть весну,
И снова лѣто, зной, и ароматы.

Какъ ожерелье горные тамъ скаты.
Струить рубинъ живую пелену,
И сердоликъ, мягча, зоветъ ко сну,
А пробуждаютъ яркіе гранаты.

Когда въ опаль ударишь бирюзой,
Играетъ конь грозы, звенитъ уздечка,
И серебромъ течеть изъ тучекъ рѣчка.

Блистасть въ чашѣ розы, за грозой,
Алмазъ. Зовется ангельской слезой.
Ее тебѣ принесъ я для колечка.

ПОЯСОКЪ.

Чтобы всегда мечтъ она свѣтила,
 Соткаль я ткань ей изъ лучей Луны,
 Сорвалъ цвѣтокъ съ опасной крутизны,
 И онъ, куряясь, служилъ ей какъ кадило.

Когда въ Лунѣ еще взростала сила,
 И съ нею взросталъ разбѣгъ морской волны,
 Изъ пѣни сплелъ я пѣжность пелены,
 Она ее какъ перевязь посила.

Когда-жъ растаялъ этотъ поясокъ,
 Волнище стали падать складки платья,
 Столъ едѣлалось естественнымъ объятье, —

Какъ до цвѣтка прильнувшій мотылекъ.
 Что дальше, вамъ хотѣль бы разсказать я,
 Но не велитъ она стущать намекъ.

ЗАРЕВАЯ.

Предъ тѣмъ какъ здѣсь твое возникло тѣло,
 Въ утробѣ, гдѣ зиждительная мгла,
 Та женщина, что мать тебѣ была,
 Лишь яблоки пурпуровые ъла.

И ты глядишь всегда свѣтло и смѣло,
 Не зная чары ни добра, ни зла,
 Высокая, румяна и бѣла,
 Съ какого-то иного ты предѣла.

Ты — яблоня, въ которой по листамъ
 Еще не пробѣжало Слово Гнѣва.
 Къ тебѣ еще не приблизилась Ева.

И вѣтки не сломалъ твоей Адамъ.
 Ты вся еще съ цвѣтами въ разговорѣ,
 И питье твой ротъ пурпуровые зори.

ЦВѢТОКЪ ЛЮБВИ.

Непостижимое владѣеть мглой ночной.
 Я слышу, какъ сейчасъ на голубой планетѣ,
 Гдѣ были мы съ тобой какъ маленькие дѣти,
 Расцвѣль цвѣтокъ любви, взращенный тишиной.

Ты наклоняешься воздушно надо мной,
 Твои глаза горятъ въ благословенномъ свѣтѣ,
 Запутались вдвоемъ мы въ ласковыя сѣти,
 Сорвавшійся ручей о камень бьетъ волной.

Мы свидѣлись съ тобой какъ будто бы впервые.
 Но гдѣ-то раньше я съ тобою былъ вдвоемъ,
 Надъ своевольнымъ тѣмъ играющимъ ручьемъ, —

Который оросилъ расцвѣты голубые.
 И будешь ты горѣть въ сознаніи моемъ.
 И буду я тебѣ шептать слова живыя.

КАМЕЯ.

Она изъ тѣхъ, къ кому идутъ камен,
 Медлительность, старинная эмаль,
 Окошко въ садъ, жасминъ, Луна, печаль,
 Нить жемчуговъ вокругъ лебединой шеи.

Ей даровали царство чародѣи,
 Въ немъ близъ всегда причудлива какъ даль.
 И времени разрушить сказку жаль,
 Тотъ садъ минуютъ снѣжныя завѣи.

Я подошелъ къ полночному окну.
 Она сидѣла молча у постели.
 Газелій взоръ любилъ свою весну.

И липы ворожили старину.
 Роняли пологъ бархатныя ели.
 Ей было жаль идти одной ко сну.

СТОЛЕПЕСТКОВАЯ.

Безукоризненый въ изяществѣ нарядъ.
 Все одноцвѣтное, въ разсвѣтно-сѣромъ, платье.
 Зеленоватость въ немъ всесвѣтна безъ изъятья.
 У пояса костеръ приковываетъ взглядъ.

Столепестковая таинъ душистый ядъ.
 Мѣняетъ ясность чувствъ. Внушаетъ мысль
 объятья.
 О, если бъ могъ тебя всю, всю въ себя вобрать я.
 Но губы алые безгласно не велятъ.

И пепельныхъ волосъ волна, упавъ на плечи,
 Змѣнило поднялась къ тяжелой головѣ.
 Уму не вѣрится, что кость здѣсь только двѣ.

Свѣтясь, вокругъ нея поютъ нѣмыя рѣчи.
 Вся говорить она. И вотъ не говорить.
 Лишь въ перстнѣ явственно играетъ хризолитъ.

СТРОЙНАЯ.

Высокая и стройная, съ глазами
 Раскольницы, что выросла въ лѣсахъ,
 Въ зрачкахъ отображенъ не Божій страхъ,
 А истовость, что подобаетъ въ храмѣ.

Ты хочешь окружить ее словами?
 Плѣняй. Но только, если нѣть въ словахъ
 Велѣній сердца, въ нихъ увидить прахъ.
 Цвѣтокъ же вмигъ замѣтить межъ листками.

И подойдетъ. Неспѣшною рукой
 Сорветъ его, и любоваться станетъ.
 Быть можетъ, тотъ цвѣтокъ тебѣ протянеть.

Несмущена колдующей тоской,
 Свѣтъ приметъ, и улыбкой не обманеть.
 Но въ этомъ сердцѣ свѣтить свѣтъ — другой.

ВОЛШЕБСТВО.

Изъ раковинъ я вынулъ сто жемчужинъ,
 Тринадцать выбралъ лучшихъ жемчуговъ.
 Отъ дальнихъ, самыхъ южныхъ, береговъ
 Былъ всплескъ волны мнѣ въ Новолунье нуженъ.

Мигъ надлежащій мнай былъ удосуженъ,
 Когда Луна межъ двухъ своихъ роговъ
 Скрѣшила хлопья бѣлыхъ облаковъ.
 Весь міръ волшебствъ тогда со мнай былъ друженъ.

На пресѣченыи девяти дорогъ,
 Въ изломѣ ночи, цвѣть сорвалъ я малый,
 Лилейный ликъ, внутри съ звѣздою алой.

Сонъ дѣвушки невинной подстерегъ,
 Вплелъ въ ожерелье, къ жемчугамъ сгибалъ.
 Побояться всѣ. Приди ко мнѣ любая.

КОБРА.

Я опьяню тебя мою красотою
 Завладѣвающей — изысканнымъ стихомъ,
 Въ которомъ ядъ, и кровь, и страсть, и ночь, и
 громъ,
 И, взоръ твой подсмотрѣвъ, внимательность удвою.

Недостижимое возьму какъ бы игрою,
 Захватъ мой — взглядъ души, ея огней изломъ,
 И не замѣтишь ты, какъ всю тебя узломъ
 Воздушно-ласковымъ, но держащимъ, покрою.

Ты будешь съ близкими, но будетъ духъ вдали.
 Ты будешь мной полна, и скрытно, и пѣвуче,
 Какъ полонъ пламенемъ туманъ, скользя по кручѣ.

Вотъ малая ладья сильнѣй, чѣмъ корабли.
 Сосредоточенность расцвѣсть готова въ тучѣ.
 Гори. Мы два огня. Тебя, меня — зажги.

КОЛДУНЬ.

Онъ началъ колдоватъ синезеленымъ,
Онъ изумрудъ овѣялъ бирюзой.
Огонь завилъ онъ красною лозой,
И пламени запѣли тихимъ звономъ.

Собравъ купавы по лѣснымъ затонамъ,
Заставилъ чаши ихъ ронять бензой.
И ладанъ задымилъ, какъ предъ грозой
Восходитъ мгла змѣей по горнымъ склонамъ.

Сталъ душино-прянымъ сказочный чертогъ.
Въ углахъ стояли идолы иѣмые,
Во внутрь, къ нему, протягивая выи.

И цвѣтъ, что на скрещеныи всѣхъ дорогъ
Расцвѣта ждетъ, предъ нимъ расцвѣлъ впервые,
И, дѣвой ставъ, у пламени возлегъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ.

Тринадцать выгибовъ дубового листка,
 Двѣнадцать смѣнныхъ солнцъ въ кругу мѣся-
     цеслова,
 Одинъ и два и три, всѣхъ числъ первооснова,
 Ликующее семь, что смотрить свысока, —

Четырекрылая, летящая съ цвѣтка,
 Чтобы, душистый медъ отъ сплава воскового
 Подробно отдѣливъ, соединить ихъ снова,
 Тамъ, въ шестикратности нѣмого уголка, —

Десятигранная на вѣтрѣ кристалинка, —
 Столепестковая, пьянящая людей, —
 Куда мой стихъ, тебя ведеть моя тропинка?

Въ четырнадцать, гдѣ ты, сверкнувъ, уснешь
     какъ змѣй,
 Межъ тѣмъ какъ, вознеся всѣ красочные числа,
 Летить, дробясь, огонь, и радуга повисла.

ПЕРЕВЯЗЬ.

Гимнически законченный сонетъ,
Заслуга это или преступленье?
Въ церковное торжественное пѣнье
Не вводимъ мы дразненье кастаньетъ.

Лишь избранный искусникъ дасть отвѣтъ.
Но выскажу еще недоумѣнье.
На рыцарь пристойно-ль украшенье,
И не собой-ли каждый святъ предметъ?

Однако. Въ строй Пасхальныхъ ликований
И пляшущіе вводимъ мы тона.
И развѣ измѣняется весна, —

Когда проснется майскій день въ туманѣ?
И рыцарь, мысля лишь объ остріѣ,
Не мчитъ-ли ленту милой на коньѣ?

ЗАКОНЪ СОНЕТА.

Четыре и четыре, три и три.
 Законъ. Вѣриѣ, признаки закона.
 Взнесенье, волей, огненнаго трона,
 Начало и конецъ дневной зари.

Съ рожденьемъ Солнца рдѣютъ алтари.
 Вдали, вблизи, прорывъ и гулы звона.
 Весь міръ Земли пріемлющее лоно.
 Четыре вѣтра кличутъ: «Жги! Бери!»

Но быстро таетъ эта ширь свершенья.
 Блѣднѣть по бокамъ сплошной рубинъ.
 Огонь зари являеть ликъ съуженья.

И вторить Осень пламенемъ вершинъ,
 Что три пожара завершаютъ рдѣнье.
 И въ небѣ кличетъ журавлиный клинъ.

СОНЕТЬ СОНЕТУ.

Мои стихи какъ полновѣсный гроздъ.
 Не тицетно, въ сладкомъ рабствѣ у сонета,
 Двѣ долгія зимы, два жаркихъ лѣта,
 Въ размѣрный токъ включалъ я розсыпь звѣздъ.

Изысканный нарядъ обманно-простъ.
 Въ гаданыи чувства малая примѣта
 Есть жгучій знакъ, что часъ пришелъ расцвѣта
 Люблю къ люблю, къ землѣ отъ неба мостъ.

Четырнадцать есть лунное свѣченье,
 Четыре, это вѣтры всѣхъ міровъ,
 И троичность звено рожденья сновъ.

И все — единство, полное значенья,
 Какъ Солнце въ свитѣ огненныхъ шаровъ,
 Размѣченныхъ закономъ привлеченья.

ТУДА.

Когда атлеты, въ жаркій мигъ борьбы,
Сомкнуть объятья, съ хитростью касанья,
Чей ликъ — любовь, что, ощупью, лобзанья
Упорно ищетъ въ жуткомъ снѣ алчбы, —

Когда внезапно встанетъ на дыбы
Горячій конь, — когда огней вонзанье
Проходитъ въ тучѣ въ мигъ разверзанья,
И видимъ вспѣвъ и письмена Судьбы, —

Когда могучій левъ предъ лицомъ львицы
Скакнетъ лишь разъ, и воть лежитъ верблюдъ, —
Когда сразимъ мы сонмы вражьихъ грудъ, —

Все это не одинъ-ли взрывъ зарницы?
Нашъ духъ крылатъ. Но лучшій мигъ для птицы
Летѣть — туда, ото всего, что — тутъ.

БОЙ.

Вся сильная и нѣжная Севилья
 Собралась въ кругъ, въ рядахъ, какъ на соборъ.
 Лучей и лицъ и лентъ цвѣтистый хоръ.
 И голубей надъ циркомъ снѣжны крылья.

Тяжелой двери сдвигъ. Швырокъ усилия.
 Засовъ отдвинутъ. Дикъ ослѣпшій взоръ.
 Тяжелый быкъ скакнулъ во весь опоръ,
 И замеръ. Мощный образъ изобилъя.

Въ лосненыи крутоемные бока.
 Втянули ноздри воздухъ. Изумленье
 Сковало силу въ самый мигъ движенья.

Глаза — шары, гдѣ въ черномъ нѣть зрачка.
 Тогда, чтобы рушить тяжкаго въ боренье,
 Я поднялъ алый пламень лоскутка.

ЕЩЕ.

Привязанный къ стволу ибмого древа,
 Что говорить умѣть лишь листвой, —
 Предсмертнымъ напряженiemъ живой,
 Весь вытянутъ, какъ птица въ мигъ напѣва, —

Святая жертва слѣпоты и гибѣва,
 Съ глазами залазуренными мглой, —
 Еще стрѣлу пріявші за стрѣлой,
 Колчаниаго еще хотѣль онъ сѣва.

И между тѣмъ какъ красный вечеръ гасъ,
 Стеля вдали для ночи звѣздный пологъ,
 Онъ ощущалъ лишь холодокъ иголокъ.

И торопилъ возжажданный имъ часъ.
 Еще! Еще! Лишь прямо въ сердце рана
 Откроетъ Рай очамъ Себастіана!

НИТИ ДНЕЙ.

Всё нити дней воздушно паутины,
 Хотя бы гибель царствъ была сейчасъ.
 Всё егустки красокъ — для духовныхъ глазъ.
 Душъ — напѣвы сердца, что рубинны.

У альбатроса крылья мощно длины.
 Но онъ къ гнѣзу вернется каждый разъ,
 Какъ ночь придетъ. И держать гнѣза насть
 Внѣ тѣхъ путей, которыя лавинны.

Намъ трудно даже другу разскaзать,
 Какъ любимъ мы дѣтей, рожденныхъ нами,
 Какъ обожаемъ мы отца и мать.

И благо. Стыдъ тотъ Божья благодать.
 Но намъ не трудно яркими чертами
 Вѣкамъ въ легенду сердце передать.

НА ОТМЕЛИ ВРЕМЕНЪ.

Заклятый духъ на отмели временъ,
 Средь маленькихъ, среди непрозорливыхъ,
 На уводящихъ задержался срывахъ,
 Отъ страшныхъ вѣдьмъ пріявиши гордый сонъ.

Гламисскій танъ, могучій вождь племенъ,
 Кавдорскій танъ, въ змѣиныхъ переливахъ
 Своей мечты, лишился сновъ счастливыхъ,
 И дьявольскимъ былъ сглазомъ ослѣпленъ.

Но потому, что міръ тебѣ былъ тѣснъ,
 Ты сгромоздилъ такую груду тѣлъ,
 Что о тебѣ Эвонскій лебедь спѣлъ —

Звучнѣйшую изъ лебединыхъ пѣсень.
 Онъ, кто сердецъ извѣдалъ глубь и цвѣть,
 Тебя въ вѣкахъ намъ передалъ, Макбетъ.

СРЕДИ ЗЕРКАЛЬ.

Бродя среди безчисленныхъ зеркалъ,
 Я четко вижу каждое явленье
 Дробленіемъ въ провалахъ углубленья,
 Разгадки чьей никто не отыскалъ.

Коль Тотъ, чье имя — Тайна, хочетъ скаль,
 Морей, лѣсовъ, животныхъ, и боренъя,
 Зачѣмъ въ несовершенномъ повторенья,
 А не одинъ торжественный бокалъ?

Все правое въ глубинахъ станетъ лѣвымъ,
 А лѣвое какъ правое встаетъ.
 Здѣсь мой — съ самимъ же мною — спутанъ счетъ.

Вступиль въ пещеру съ звучнымъ я напѣвомъ,
 Но эхо звукъ дробить и бить о сводъ.
 И я молчу — съ недоумѣннымъ гнѣвомъ.

НЕ ПОТОМУ ЛИ?

Одинъ вопросъ, томительный, всегдашній,
 Отъ стершихся въ невозвратимомъ днѣй,
 Отъ взятыхъ въ основаніе камней
 До завершенія Вавилонской башни.

Зачѣмъ согбенный богъ надъ сѣрой пашней?
 Зачѣмъ въ кристаллѣ сновъ игра тѣней?
 Зачѣмъ, слабѣе я или сильнѣй,
 Всегда въ сегодня гнетъ влачу вчерашній?

Какъ ни кружись, клинокъ и прямъ и простъ: —
 Уродство не вмѣстится въ совершенство,
 Гдѣ атомъ — боль, тамъ цѣльность — не бла-
 женство.

Не потому ль водовороты звѣздъ?
 Не потому ли всѣ ряды созданій,
 Чтобъ ужасъ скрыть — безчисленностью тканей?

ВЪ ТЕАТРЪ.

Въ театръ, гдѣ мы все — актеры мига,
 И гдѣ любовь румянѣе румянъ,
 И каждый, страсть играя, сердцемъ пьянъ,
 У каждого есть тайная верига.

Чтобъ волю ощутить, мы носимъ иго.
 Безчисленный проходить караванъ,
 Туда, туда, гдѣ духъ расцвѣтовъ прянъ,
 Гдѣ скрыта Золотая Счастья Книга.

Рубиново-алмазный переплеть,
 Жемчужно-изумрудныя застежки.
 Извилистыя къ ней ведутъ дорожки.

По очереди каждый къ ней идетъ.
 Чуть подойдетъ, какъ замыселъ оконченъ.
 И слышенъ плачъ. Такъ строенъ. Такъ утоиченъ.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА.

Изображенъе мертвай головы
 На бабочкѣ ночной, что возлюбила
 Мѣста, гдѣ запустѣніе и могила,
 Такъ просто растолкуете ли вы?

Вотъ изъясненіе. Здѣсь гипнозъ травы,
 Которую плоть мертваго взrostила,
 И черепъ съ мыслю, какъ намекъ-кадило,
 Дала крылатой. Жить хоть такъ. Увы.

Живетъ кадило это тѣневое.
 И мечется межъ Небомъ и Землей.
 Скользитъ, ночной лелѣемое мглой.

Вампирная въ немъ сила, тлѣніе злое.
 И бабочки пугаются ночной.
 Тотъ здѣсь колдунъ, кто жить возжаждаль вдвое.

ПОСЛѢДНЯЯ.

Такъ видѣлъ я послѣднюю, ее.

Предѣльный кругъ. Подножье сѣрыхъ склоновъ.

Обрывки свитковъ. Рухлядь. Щепки троновъ.

Календари. Румяна. И тряпье.

И сердце освившись мое.

Я — нищій. Ибо — много миллионовъ

Змѣиныхъ кожъ, и шкуръ хамелеоновъ.

Тутъ не приманишь даже воронье.

Такъ вотъ оно, исконное мечтанье,

Сводящее весь разнобѣгъ дорогъ.

Сѣдой разливъ додневнаго рыданья.

Глухой, какъ бы лавинный, топотъ ногъ.

И два лишь слова въ звуковомъ разгулѣ.

Стонъ — Ultima, и голость трубный — Thule.

ULTIMA THULE.

Эбеновое дерево и злато,
 Густой, изъ разныхъ смѣсей, ѡиміамъ.
 Свѣтильники, подобные звѣздамъ,
 Въ ночи упавшимъ съ неба безъ возврата.

Огромные цвѣты безъ аромата,
 Но съ чарой красокъ рдѣющіе тамъ, —
 Въ ихъ чаши ветхій такъ глядѣлъ Адамъ,
 Что свѣтить въ нихъ — не мигъ, а лишь — когда-то.

Обивка стѣнъ — минувшіе пиры,
 Весь пурпуръ догорѣвшаго пожара.
 Завѣсъ тяжелыхъ бархатная чара.

И мертвыхъ лунъ мѣдяные шары,
 Да черный воронъ съ тучевого яра, —
 Вотъ царскій міръ безумнаго Эдгара.

НА ПРЕДЪЛЪ.

Бестрастная, своимъ довольна кругомъ,
 Въ безбрежности, гдѣ нѣтъ ни въ чемъ огня,
 Безкровная, и сердце леденя,
 Въ лазурности идя какъ вышнимъ лугомъ, —

Бездумная, внимая вѣчнымъ выогамъ,
 Въ бездонности, гдѣ цѣлый годъ нѣтъ дня,
 Бездушная, ты мучаешь меня,
 Луна небесъ надъ самымъ дальнимъ Югомъ.

Онъ сѣверпѣй всѣхъ сѣверовъ, тотъ Югъ.
 Здѣсь царство льдинъ возвышенно-кошмарныхъ,
 Съ вѣщаньями разрывовъ ихъ ударныхъ.

Медвѣдь полярный быль бы мнѣ здѣсь другъ.
 Но жизни нѣтъ. Ни заклинаній чарныхъ.
 Безрадостный, я втянуть въ мертвый кругъ.

НА ЮЖНОМЪ ПОЛЮСЪ.

На Южномъ полюсѣ, гдѣ льется свѣтъ по льдинѣ,
Какого никогда здѣсь не увидѣть намъ,
И льдяная гора рѣзной узорный храмъ,
Что вѣдомъ Нилу былъ, и неизвѣстенъ нынѣ, —

Восходитъ красный Шаръ въ безжизненной
пустынѣ,
И льдяная стѣна, какъ вызовъ небесамъ,
Овита вихрями, ихъ внемлетъ голосамъ,
А кровь небесная струится по твердынѣ.

Но были нѣкогда тамъ пышные сады.
Давно окончилось ихъ жаркое цвѣтенье,
Лишь въ краскахъ, чудится, скользятъ ихъ
привидѣнья.

И въ часъ, когда звѣзда уходитъ до звѣзды,
Еще цвѣтутъ цвѣты средь всплесковъ и боропья,
Не забывающей минувшее, воды.

БЪЛЫЙ БОГЪ.

Онъ миѣ открылся въ Сѣверномъ сіяны.
 На полюсъ. Среди безгласныхъ льдинъ.
 Въ сиѣгахъ, гдѣ властенъ бѣлый цвѣтъ одинъ.
 Въ потокѣ звѣздъ. Въ бездонномъ ихъ молчаны.

Его я видѣлъ въ тихомъ обаяны.
 Въ лицѣ отца, и въ красотѣ сѣдинъ.
 Въ качаны тонкихъ лунныхъ паутинъ.
 Онъ показалъ мнѣ ликъ свой въ обѣщаны.

Часы идутъ, мѣняя тяжесть гирь.
 Часы ведутъ дорогой необманной.
 Зачатье наше въ мысли первозданной.

На сиѣжной вѣткѣ одинокъ сиѣгири.
 Но алой грудкой, дѣтскимъ снамъ желанной,
 Велитъ Веснѣ онъ вѣрить цвѣтотканной.

БЪЛАЯ ПАРЧА.

Я выстроилъ чертогъ, селеніе, овинъ,
 Я башню закрѣпилъ въ странѣ мечты орлиной,
 Но птичка бѣлая, мелькнувши, въ мигъ единый
 Открыла гулкій ходъ для всѣхъ окрестныхъ льдинъ.

Когда жъ умолкъ вдали протяжный шумъ лавинъ,
 И снова свидѣлась вершина горъ съ вершиной,
 Надъ побѣлѣвшою притихшою равниной
 Былъ уцѣлѣвшій я, и въ дняхъ я былъ одинъ.

Но въ мірозданіи ставъ зябкою былинкой,
 И слушая душой, какъ міръ безбрежный тихъ,
 Всѣхъ милыхъ потерявъ, я не скорблю о нихъ.

Все прошлое златой заткалось паутинкой.
 И чую, какъ вверху, снѣжинка за снѣжинкой,
 Безгласныя, поютъ многолавинный стихъ.

ПЪВЕЦЪ.

Онъ пѣлъ узывино, уличный пѣвецъ,
Свой голосъ единъ съ игрою струнной,
И жалобой, то нѣжной, то бурунной,
Роняя звуки, точно дождь колецъ.

Онъ завладѣлъ вниманьемъ наконецъ,
И послѣ пѣсни гиѣвной и перунной
Сталь блѣденъ словно призракъ сказки лунной,
Какъ знакъ давно порвавшихся сердецъ.

Явилъ онъ и мое, той пѣсней, сердце.
Завороженъ предъ стихшою толпой,
Насъ всѣхъ окуталъ грустью голубой.

Мы всѣ признали въ немъ единовѣрца.
И каждый зналъ, шепчасъ съ самимъ собой,
Что тотъ пѣвецъ понявший всѣхъ — слѣпой.

ГЛУБИННОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО.

Крестъ золотой могучаго собора
 Вѣщательно свѣтился въ вышинѣ,
 И весь вечерній храмъ горѣлъ въ огнѣ,
 Какъ вечеромъ горятъ верхушки бора.

Что звѣздный мракъ придетъ еще не скоро,
 Объ этомъ пѣли краски на волиѣ,
 Которая, плеснувъ, легла во снѣ,
 Не пѣня больше воднаго простора.

На паперти колѣнопреклоненіе,
 Я видѣлъ службу, свѣчи, блескъ церковный,
 Въ напѣвъ молитвъ струился съ башенъ звонъ.

И видѣлъ, какъ въ глубинахъ влаги ровной,
 Повѣря въ свѣть, пріяла темнота
 Весь храмъ могучій съ золотомъ креста.

НА ДНЪ.

Покой вѣщанный. Лѣсь высокоствольный.
 Расцвѣть кустовъ, горящій кое-гдѣ.
 Синь-цвѣтикъ малый въ голубой водѣ.
 Камышъ и шпажникъ, свѣчи грезы вольной.

Обѣть молчанья, свѣтлый и безбольный.
 Въ нѣмыхъ почахъ полетъ звѣзды къ звѣздѣ.
 Недвижность травъ, въ размѣрной чередѣ.
 Весь міръ — ковчегъ съ дарами напрестольный.

И вотъ, слагая истово персты,
 И взоръ стремя въ прозрачные затоны,
 Какъ новый листъ, вступившій въ лѣсь зеленый,—

Отшельникъ, тамъ на днѣ, узиаль черты,
 Въ горѣнии свѣчъ, родныя, вѣчность взгляда,
 Подъ звонъ церквей потопленнаго града.

ОРАРЬ.

Когда, качнувъ орарь, діаконъ знакъ даетъ,
 Что п'евчимъ время п'ять, народу — мигъ моленъя,
 Въ высотахъ Божескихъ, въ то самое мгновенье,
 Кто въренъ, слышитъ звонъ и ангельскій полетъ.

Когда на сотнѣ верстъ чутъ слышно хрустнетъ ледъ
 Въ одной проталинѣ, тотъ звукъ и дуновенье
 Тепла весенняго въцаютъ льду крушенье,
 И въ Солнцѣ въ этотъ мигъ есть явно зримый медъ.

И вѣтка первая на вербѣ златоносной,
 Пушокъ свой обнаживъ, сзываетъ вѣрныхъ пчель.
 Воскресенъ благовѣсть ихъ ульевидныхъ сель.

Когда жъ, когда мой духъ, тоскующій и косный,
 Увидить вербный свѣтъ и вѣюЩій орарь.
 И Богу пѣснь споеть. Какъ въ оны дни. Какъ встарь.

СЛУЖИТЕЛЬ.

Въ селѣ заброшенномъ во глубинѣ Россіи
 Люблю я увидать поблекшаго дѣячка.
 Завялый стебель онъ. На пламени цвѣтка
 Навѣялась зола. Но есть лучи живые.

Когда дрожащи звонъ напѣвы вѣстовые
 Шлетъ всѣмъ желающимъ придти издалека,
 Въ золѣ сѣдѣющей мельканье огонька,
 И въ духѣ будничномъ воскресность литургіи.

Чтецъ неразборчивый, вникая въ письмена,
 Нетвердымъ голосомъ блуждаетъ онъ по чащамъ.
 Какъ трогателенъ онъ въ бореніи спѣшащемъ.

Богъ слышитъ. Богъ пойметъ. Здѣсь пышность
 не нужна.
 И голосъ старческій исполненъ юной силой,
 Упорный свѣтъ лія въ зовѣ: «Господи помилуй!»

КОЛОКОЛЬ.

Люблю безмѣрно колоколь церковный.
 И вновь, какъ тѣнь, войду въ холодный храмъ,
 Чтобъ вновь живой воды не встрѣтить тамъ,
 И вновь домой пойду походкой ровной.

Но правды есть намекъ первоосновной
 Въ дерзаны съ высоты пророчить памъ,
 Что есть другая жизнь, — и я отдамъ
 Всѣ голоса за этотъ звукъ верховный.

Гуди своимъ могучимъ языкомъ.
 Зови дрожаньемъ грознаго металла
 Разноязычныхъ, Эллина и Галла.

Буди просторъ, и говори, какъ громъ.
 Стократно-милліоннымъ червякомъ
 Изваянъ міръ изъ бѣлаго коралла.

ВЕРШИНА.

Отъ часа одного лучай и ласки Солнца
 Забыла вся земля дождливость трехъ недѣль.
 Внутри перебродилъ, свой срокъ прождавшій, хмѣль,
 Шуршитъ кузнечиковъ чуть слышно веретенце.

Цвѣточекъ желтенький раскрылъ жучку оконце,
 И тотъ, смарагдовый, какъ въ мягкую постель,
 Забрался въ лепестки. Безсмертная кудель
 Сгѣшить, отвивть, завить живое волоконце.

Въ лѣсу зардѣвшемся повторное «Тукъ! Тукъ!»
 То не весенній знакъ. Стучитъ осенний дятелъ.
 Дией лѣтнихъ гробовщикъ роняетъ мѣрно звукъ.

Разсказъ прочитанный изъ нѣжныхъ вышалъ рукъ.
 Но, если что-нибудь изъ чары часть утратилъ,
 Восторгъ законченный вершина всѣхъ наукъ.

СТЪНА.

Стъна вѣтвей, зеленая стъна,
Для грезы изумрудами свѣтила,
Шуршаніемъ, какъ дремлющая сила,
Гудѣньемъ пчелъ, какъ пышная весна, —

Изваянной волной, какъ тишина, —
Но, спѣвши сонъ зеленый, измѣнила,
И быстро цвѣть иной въ себя вронила,
Вонъ, Осень тамъ у желтаго окна.

Оконце круглымъ свѣтится топазомъ.
И будетъ возрастать оно теперь.
Расширить кругъ. Въ листвѣ проломить дверь.

За каждымъ утромъ, съ каждымъ новымъ разомъ,
Какъ встанетъ Солнце, будетъ день потеръ.
И глянетъ все совинымъ желтымъ глазомъ.

МАРСЪ.

Отъ полюса до полюса Пустыня.
 Песчаникъ красный. Мергель желтоцвѣтъ.
 И синій аспидъ. Зори прошлыхъ лѣтъ.
 Зеленыхъ царствъ отцвѣтшая святыня.

Гдѣ жизнь была, тамъ греза смерти нынѣ.
 Горѣнья охры. Между всѣхъ планетъ
 Тотъ красочный особо виденъ бредъ.
 Опалъ. Огонь въ опаловой твердынѣ.

Лишь полюсы еще способны пѣть
 Пѣснь бытія нетлѣнными снѣгами.
 Весной истаевая, родниками

На красную они ложатся мѣдь.
 И говорятъ черезъ пространства съ нами,
 Невнятное, играя письменами,

КРОВЬ.

Въ растеніи смарагдовая кровь,
Особеннымъ послушная законамъ.
Зеленый лѣсь щумитъ по горнымъ склонамъ,
Зеленая встаетъ на полѣ новь.

Но, если часъ пришелъ, не прекословь,
И жги рубинъ за празднествомъ зеленымъ.
Сквозя, мелькнуло золото по кленамъ,
И алый лучъ затеплила любовь.

Гранатомъ стала смарагдъ, перегорая.
Въ лѣсу костеръ цвѣтовъ, и черть изломъ.
Коверъ огней отъ края и до края.

Не древо-ль стало вѣщимъ намъ узломъ?
Любя, нашъ духъ въ чертогъ верховной славы
Вступаетъ — надѣвая плащъ кровавый.

ЗНАКОМЫЙ ШУМЪ.

Знакомый слуху шорохъ . . .
Пушкинъ.

Знакомый шумъ зардѣвшихся вершинъ
Смѣшался съ привходящимъ, незнакомымъ,
Отдѣльнымъ звукомъ, — словно водоемомъ
Промчался вѣтръ, неся зачатье льдинъ.

Враждебный слуху шорохъ. Знакъ одинъ,
Что новое пришло. Конецъ истомамъ,
Что замыкались молнией и громомъ.
Отъ сѣрыхъ облакъ падъ налетъ сѣдинъ.

Тотъ малый звукъ, разлуку сердцу спѣвшій,
Не человѣчій, нѣть, не птичій, свистъ,
Въ шуршаны ускользающъ и сквозиствъ.

Прощальный шорохъ, первый пожелтѣвшій,
Дожегшій жизнь, и павшій наземь, листъ,
Въ паденьи поцѣлуемъ вѣхъ задѣвшій.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ.

Дождливымъ лѣтомъ не было зарницъ,
Ни грозъ веселыхъ, зноевъ настоящихъ.
Іюль еще не умеръ, а ужь въ чащахъ
Мерцаютъ пятна, ржавость огневицъ.

Не тѣхъ верховныхъ, не перунныхъ птицъ,
Румянецъ исхудалыхъ и болеющихъ,
Предѣльностью поспѣшио горяющихъ,
Пріявшихъ въ сердце зарево границъ.

И только что заплакалъ обѣ іюль
Росистый августъ средь пустыхъ полей,
Какъ ласточки до срока упорхнули.

Зайду ли въ рощу, въ садъ свой загляну ли,
Подъ острый свистъ синицъ и грусть острѣй.
Ткань желтая придется въ долгомъ гулѣ.

ПО ЗОВУ ВОРОНА.

Ужъ воронъ каркалъ трижды тамъ на крышѣ,
Глухой, густой, тысячелѣтній зовъ.
И дальний гулъ рѣдѣющихъ лѣсовъ
Съ паденьемъ листьевъ звукоемно тише.

Въ вѣтвяхъ — часовни духовъ, ходы, ниши,
Прорывы, грусть, блужданье голосовъ.
А въ домѣ громче тиканье часовъ,
И по угламъ шуршать въ обояхъ мыши.

Сталъ мрачнымъ деревенскій старый домъ.
На всемъ печать ущерба и потери.
Три мѣсяца въ немъ не скрипѣли двери.

Теперь скрипятъ. И окна подъ дождемъ
Со всѣмъ живымъ тоскуютъ въ равной мѣрѣ,
Какъ въ темныхъ норахъ зябнущіе звѣри.

СЕНТЯБРЬСКИЯ ОБЛАКА.

По облакамъ, ужь разлученнымъ съ громомъ,
 На восемь лунъ, до будущей весны,
 Прошло отяжелѣніе бѣлизны,
 Завладѣванье всѣмъ, объемомъ.

Нѣть мѣста больше тучкамъ невѣсомымъ,
 Что, возникая, таяли какъ сны,
 Нѣть болѣе мгновенной крутизны
 Внезанныхъ тучъ съ ихъ огневымъ изломомъ.

Гдѣ молнийный повторный поцѣлуй
 Преобразжалъ громаду тучевую
 Въ разъятый водоемъ журчащихъ струй, —

Безцвѣтный цвѣтъ на небѣ ткань нѣмую
 Прядетъ, ведетъ. О, вѣтеръ! Расколдуй
 Ту крышку гроба! Я съ землей тоскую!

ИЗЛОМЪ.

Развилъ свои сверкающія звенья,
 Внѣ скудныхъ чиселъ, красокъ, чертъ, и сновъ.
 Румянецъ хмѣльный, пирное забвенье
 Излилъ въ качапье вянущихъ листковъ.

Раздвинулъ межъ притихшихъ береговъ
 Сапфира серебристое теченье.
 Уегубилъ свободу отъ оковъ,
 Просвѣть продвинувъ силой дуновенъя.

Медлительно распространяя даль,
 Подвигнулъ къ лету черныя дружины,
 Построилъ треугольникъ журавлиный.

Запаутиилъ свѣтлую печаль, —
 Вселенскій, расточающей, изломный,
 Измѣнъ осеннихъ духъ многообъемный,

СОХРАНЕННЫЙ ЯНТАРЬ.

Идетъ къ концу сонетное теченье.
 Душистый и тягуче-сладкій медъ
 Размѣрными продленьями течеть,
 Янтарное узорчато скрѣпленье.

Но не до дна дозволю истеченье.
 Когда одинъ окончится чередъ,
 И часть другой — уловъ свой пусть сберетъ.
 Янтарь царямъ угоденъ какъ куренье.

Замкнитесь, пчелы, въ улей. Часть зимы.
 Зима во снѣ — какъ краткая недѣля.
 Опять дохнетъ цвѣтами вздохъ апрѣля.

Я вамъ открою дверцу изъ тюрьмы.
 Шесть полныхъ лунъ дремоты послѣ хмѣля, —
 И, знайте, попиремъ снова мы.

СОУЧАСТНИЦЫ.

Пошелестѣвъ, заснули до весны,
 Хрусталики сложивъ прозрачныхъ крылій,
 Мохнатыя сбирательницы пылей,
 Съ тѣхъ чашечекъ, гдѣ золотые сны.

Умолкъ тысячекрылый гудъ струны.
 Средь воска и медвяныхъ изобилій
 Спятъ сонмы. А по храмамъ — лицу лилій
 Горѣнья тысяча свѣтъ посвящены.

Подъ звонъ кадиль и тихіе напѣвы,
 Въ лучъ косомъ качая синій дымъ,
 Идетъ обѣдня ходомъ золотымъ.

Озарена икона Чистой Дѣвы.
 И блѣдный рой застывшихъ инокинь
 Какъ лунный садъ, расцвѣтный сонъ пустынь,

ШАЛАЯ.

О, шалая! Ты бѣлыми клубами
Несешь и мечешь вздутые снѣга.
Льешь океанъ, гдѣ скрыты берега,
И вѣшься, пляшешь, помыкаешь нами.

Смѣшься дикимъ свистомъ надъ конями,
Велишь имъ всюду чувствовать врага.
И страшны имъ оглобли и дуга,
Они храпятъ дрожащими ноздрями.

Ты сѣшь снѣгъ воронкою, какъ пыль.
Морозъ крѣпчаетъ. Сжался ледъ упруго.
Какъ-будто холодъ расцвѣтилъ ковыль.

И цвѣтъ его взлюбилъ верченье круга.
Дорожный посохъ — сломанный костыль,
Коль забавляться пожелаетъ — Вьюга!

ВЕСЬ КРУГЪ.

Весна — улыбка сердца въ ясный май
 Сквозь изумрудъ застѣнчивый апрѣля.
 Весенній сонъ — Пасхальная педѣля,
 Намъ сияющійся въ минутѣ древній рай.

И лѣто — праздникъ. Блескъ идетъ за край
 Мгновенія, чрезъ откровенѣе хмѣля.
 Пей, пей любовь, звения, блестя, свирѣля.
 Мигъ радостный вдругъ вымолвить: «Прощай» .

И торжество, при сборѣ винограда,
 Узнаешь ты въ роскошной полнотѣ.
 И, гроздья выжавъ, станешь на чертѣ, —

Заслыши сказъ, что завела прохлада.
 И будетъ Вьюга, въ бѣлой слѣпотѣ,
 Кричать сквозь міръ, что больше сновъ не надо.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ.

Среди страницъ мучительно любимыхъ,
 Написанныхъ искусною рукой,
 Прекраснѣй тѣ, что свѣтятся тоской,
 Какъ свѣтять звѣзды въ даляхъ нелюдимыхъ.

Въ пожарахъ дней, въ томительныхъ ихъ дымахъ,
 Есть образъ незабвенно дорогой.

Она. Одна. На свѣтѣ нѣтъ другой.

Мы двое съ ней вовѣкъ неразлучимыхъ.

И все же разлучаться мы должны,
 Чтобъ торопить горячее свиданье,
 Всей силою мечты и ожиданья, —

Той мглой, гдѣ, расцвѣтая, рдѣютъ сны.
 Такъ въ музыкѣ два дальнія рыданья
 Струятъ къ душѣ одинъ разскать струны.

ЗЕРКАЛО.

Когда передъ тобою глубина,
 Себя ты видишь странно отраженнымъ,
 Воздушнымъ, тѣневымъ, преображеннымъ.
 Въ водѣ душа. Смотри, твоя она.

Не потому ли насъ пьянитъ Луна,
 И дѣлаетъ весь міръ завороженнымъ,
 Когда она, по пропастямъ бездоннымъ,
 Намъ недоступнымъ, вся озарена.

Я темная, но дальній свѣтъ пріемлю, —
 Она безгласно въ мірѣ говоритъ.
 Луна пріемлетъ Солнце и горитъ.

Отображеній свѣтъ струить на Землю.
 Въ Лунѣ загадка, жемчугъ, хризолитъ.
 Въ ней сонмъ зеркалъ волшебный сонъ творитъ.

ЛЕБЯЖИЙ ПУХЪ.

Трепещетъ листъ забвенно и устало,
Одинъ межъ черныхъ липовыхъ вѣтвей.
Ужъ скоро бѣлый духъ густыхъ завѣй
Качнеть лебяжьимъ пухомъ опахала.

Зима идетъ, а лѣта было мало.
Лишь разъ весной звенѣлъ мнѣ соловей.
О, вѣтеръ, въ сердце вольности навѣй.
Былъ скуденъ медъ. Пусть отдохнетъ и жало.

Прощай, черезъ меня проплывшій садъ,
Поля, лѣса, луга, рѣка, и дали.
Я съ вами видѣлъ въ творческомъ кристалѣ

Игру и соотвѣтствія громадъ.
Есть часъ, когда цвѣты и звѣзды спятъ,
Зеркальный токъ тайкомъ крѣпить скрижали.

ГАДАНІЕ.

Въ затишии предразсвѣтнаго досуга,
 Когда схолстилась дымка пеленой,
 Я зеркало поставилъ подъ Луной,
 Восполненной до завершенья круга.

Я увидалъ огни въ смаргдахъ луга,
 Потомъ, моря съ взбѣщенною волной,
 Влюбленнаго съ влюбленною женой,
 И цѣлый міръ отъ Сѣвера до Юга.

И весь просторъ съ Востока на Закатъ.
 Въ рукѣ возникла змѣйность трепетанья.
 Міръ въ зеркалѣ лишь красками богатъ.

Лишь измѣненiemъ въ смыслахъ очертанья.
 И вдругъ ко мнѣ безбрежное рыданье
 Съ Луны излило въ сердце жемчугъ-скатъ.

СЕРПЪ.

Живущій раною въ колдунахъ и поэтахъ,
Сиѣжистый Новолунь явился и погасъ.
Тогда, въ тринадцатый, и значитъ въ первый разъ,
Зажегся огнь двухъ свѣчъ, преградой мглы за-
дѣтыхъ.

Съ тѣхъ поръ я вижу все въ бѣлесоватыхъ свѣтахъ,
Мнѣ снится смертный свѣтъ — тамъ за улыбкой
глазъ.

И въ мірѣ солнечномъ ведетъ полдневный часъ
Людей, не въ золото, а въ серебро одѣтыхъ.

Кто знаетъ, тотъ пойметъ. Что правду говорю,
Тотъ все жь почувствуетъ, кто не пойметъ, не зная.
Сиѣжистый Серпъ мягчитъ и алую зарю.

Во вьюжномъ декабрѣ, въ цвѣтистыхъ играхъ мая,
Какъ инокиня я, со взоромъ внутрь, блѣдна.
Серпомъ прорѣзала мнѣ сердце вышина.

ЛУНА ОСЕННЯЯ.

Луна осенняя надъ желтыми листами
 Уже готовящихъ свой зимній сонъ деревъ
 Похожа на ночной чуть слышимый напѣвъ,
 Въ которомъ прошлыхъ дней мы прежніе, мы сами.

Мы были цѣльными, мы стали голосами,
 Расцвѣтами цвѣли и стали ждущій сѣвъ.
 Тоскуемъ о любви, къ землѣ отяготѣвъ,
 Поющію Луну мы слушаемъ глазами.

Среброчеканная безмолвствуетъ рѣка.
 Восторги лѣтнихъ дней какъ-будто истощили
 Теченье этихъ водъ въ играныи влажной пыли.

И стынетъ, присмирѣвъ, безгласная тоска.
 Себя не утоливъ отъ бывшихъ изобилій,
 Слѣдимъ мы, какъ скользятъ мгновенія въ вѣка.

ЛУННАЯ МУЗЫКА.

Какою музыкой исполненъ небосводъ.
 Луны восполненной колдующая сила,
 Сердцами властвую, въ нихъ кровь заговорила,
 И строго-блѣлая торжественно плыветъ.

Все въ мірѣ призрачномъ повинно знать чередъ.
 Течетъ кажденіе изъ древняго кадила.
 Луна осенняя намъ сердце остудила,
 Безъ удивленія мы встрѣтимъ снѣгъ и ледь.

Невозмутимая чета ракитъ прибрежныхъ
 Въ успокоеніи не шелохнетъ листвой,
 Признавъ у погъ своихъ лежащій призракъ свой.

А въ зеркалѣ воды видѣнья блѣснѣжныхъ
 Воздушныхъ савановъ, покровъ мечты живой,
 И вотъ ужъ неживой, о дняхъ какъ сказка нѣжныхъ.

ВЛАДЫЧИЦА.

Владычица великой тишины,
 Вліяніямъ лазоревой отравы,
 Узорныя заполнила дубравы,
 Магнитомъ подняла хребеть волны.

Изъ пропастей вулканной вышины
 Безгласно орошающая травы,
 Велѣла снамъ сновать и ткать забавы
 Въ чертѣ вѣтвей и лучевой струны.

Мѣняетъ ликъ въ бездонностяхъ пустыни,
 Которой свѣтъ зеленовато-синъ,
 Дабы явить измѣну всѣхъ святынь, —

И неизмѣнность вышней ихъ святыни.
 Была серпомъ — и стала кругомъ пынѣ.
 Отъ лезвія до полноты. Аминь.

ОБЕЛИСКЪ.

Когда и шумъ, и ревъ, и вой, и крикъ, и пискъ
 Себя исчерпаютъ съ зашествіемъ Свѣтила
 Дневныхъ совершеностей, иная зреетъ сила,
 Встаетъ изъ-за морей сребро-снѣжистый дискъ.

На влагу рушенный, трепещетъ обелискъ.
 Сіяніе Луны. Вскрываются кадила
 Сладимой бѣлены, цвѣтка, что возrostило
 Изъ вышнихъ пропастей паденье лунныхъ брызгъ.

Всепобѣдительно-широкое молчанье
 Встаетъ изъ нѣдръ земли, объемлетъ кругозоръ
 До синихъ областей продвинувшихся горъ.

Теперь, душа, иди до радости вѣнчанья,
 Надѣвъ, какъ міръ надѣлъ, свѣжительный уборъ
 Изъ грезъ, лучей, росы, спокойствія, и знанья.

ВСТРѢЧА.

Она приподнялась съ своей постели,
 Не поднимая тѣневыхъ рѣсницъ,
 Съ лицомъ бѣлѣ смертью взятыхъ лицъ,
 Какъ бы заслыши дальний звонъ свирѣли.

Какъ-будто сонмы къ блѣдной спящей пѣли,
 И зовъ дошелъ отъ этихъ вереницъ.
 Туда. Туда. До призрачныхъ станицъ.
 Туда. Туда. До древней колыбели.

Густыхъ волосъ змѣиная волна
 Упала на незяблющія плечи.
 И вся она тянулась какъ струна.

Звала непобѣдимо вышина.
 Душа ушла къ своей вѣнчальной встрѣчѣ.
 Все видѣла глядящая Луна.

НЕВЪСТА.

Она стояла въ платьѣ подвѣнчномъ.
 Ея волосъ змѣиная волна,
 Какъ лунная на небѣ тишина,
 Въ мгновеньяхъ, молча пѣла пѣснь о Вѣчномъ.

Такъ вся она горѣла безконечнымъ,
 Что алая тамъ въ сердцѣ пелена
 Чрезмѣрнымъ вспѣвомъ прикоснулась дна,
 И путь часовъ путемъ помчала Млечнымъ.

Она лежала, лилія мечты.
 Нетронутый ея нарядъ вѣнчальный
 Бѣлѣль недвижно тканью погребальной.

И тонкій Серпъ бездонной высоты
 Съ ней слился въ чарованіи, зеркальный
 Довѣявъ свѣтъ на тихія черты.

ВЪНЧАННЫЕ.

Когда плывутъ надъ лугомъ луннозвоны,
 Вліянія, которымъ мѣры нѣтъ,
 Въ душѣ звѣздозлатится страстоцвѣтъ,
 И сладостной онъ ищетъ обороны.

Высоты облакъ вѣціе амвоны,
 Струится притягательный съ нихъ свѣтъ.
 О, сколько древнихъ тысячъ прежнихъ лѣтъ
 Связуются имъ юноши и жены.

Вѣнчается Господняя раба,
 Встрѣчается съ душою обрученной,
 Ручается, что счастье — быть сожженной.

Вѣнчается со всѣмъ, что дастъ Судьба.
 О, чаянье. Ты будешь вѣкъ со мною: —
 Ты вѣнчана съ замѣченнымъ Луною.

УСПОКОЕННАЯ.

Ненарушимые положены покровы.
 Не знать. Не чувствовать. Не видеть. Не жалеть.
 Дворецъ ли вокругъ меня, убогая ли клеть,
 Безгласной все равно. Я въ таинствѣ основы.

Поднять уснувшую ничьи не властны ковы.
 Чтобы вѣки сжать плотнѣй и больше не смотрѣть,
 На пѣжные глаза мнѣ положили мѣдь.
 И образокъ на грудь. Въ немъ свѣты бирюзовы.

Еще послѣднее — всѣ сущности Земли
 Доносить, измѣнивъ — обратныхъ токовъ млѣнье.
 Звукъ переходитъ въ свѣтъ. Какъ дымъ доходитъ
 пѣнье.

Снѣжинки падаютъ. Растиали вдали
 Лазурныя слова надъ тайною успенія.
 Снѣга, Завѣти сповѣтъ. Послѣдній лучъ. Забвеніе.

СЛОВО.

Я клялся, и держать умѣю слово.
 Въ чёмъ клятва, это знаю только я.
 Но до конца, въ Поэмѣ Бытія,
 Я буду звукомъ счастья вновь и снова.

Нѣть, Отчаго ласкающаго крова
 Не омрачить ни словомъ рѣчъ моя.
 Свирѣпы львы, и жалится змѣя,
 Иное мнѣ отъ Солица золотого.

Я выковалъ звучнѣйшую струну.
 Былъ вѣренъ молотъ мой по наковальнѣ,
 Когда жь зажглась Луна въ опочивальнѣ, —

Забывъ огонь и Солнце, я Луну
 Любилъ сполна. И я не обману
 Ни ближней красоты, ни самой дальней,

ВЕЧЕРЪ.

Когда сполна исчерпаешь свой день,
 Работой и восторгомъ полноцѣннымъ.
 Отраденъ вечеръ съ ликомъ міра тѣннымъ,
 И входишь самъ легко въ него, какъ тѣнь.

Онъ веселился, ръяный конь-игрецъ,
 Онъ ржалъ, звеня копытомъ, въ бѣгѣ пѣнномъ.
 Зачѣмъ бы въ мигѣ сталъ онъ мига плѣннымъ?
 Приди, о Ночь, и мглой меня одѣнь.

Изъ твоего, ко Дню, я вышелъ мрака.
 Я отхожу съ великой простотой,
 Какъ тотъ закатъ, что медлитъ надъ водой.

Зажглась звѣзда. Отъ Неба ждалъ я знака.
 Какъ сладко рдѣть и ощущать свой пыль.
 Какъ сладко не жалѣть, что ты лишь былъ.

МГНОВЕНИЯ.

Мгновенно говореніе зарницы.
Но знаемъ мы, что гдѣ-то бирюза
Разорвана, и мечется гроза,
И вьются въ тучѣ огненные птицы.

Мгновенно замыкаются рѣсицы.
И видѣть все незримое глаза,
Взростаетъ чудотворная лоза,
И вѣщія проходятъ вереницы.

Пусть каждое мгновеніе красоты
Возникнетъ и окончится не въ спорѣ,
А такъ придетъ, какъ къ намъ приходятъ зори, —

Пришествію свѣжающей темноты
Безгласно уступая, — чтобы мечты
Съ морями звѣздъ свѣтились въ разговорѣ.

ОТЧІЙ ДОМЪ.

Забудь обманно-жаркое богатство
 Надменныхъ словъ, высокомѣрныхъ дѣлъ.
 Для каждого означень здѣсь предѣль,
 Его же не прейдешь безъ святотатства.

Нѣть правды тамъ, гдѣ есть хоть тѣнь злорадства.
 Но истинно прекрасенъ тотъ и смѣль,
 Что пониманье выбралъ какъ удѣль,
 И всѣхъ живыхъ прочелъ умомъ какъ братство.

Не спи въ ночахъ. Пролейся въ Млечный Путь
 Всей силою духовныхъ устремлений.
 Ты слышшишь, какъ вольнѣе дышеть грудь.

Любовь сильна. И можетъ протянуть
 По всѣмъ путямъ и мракамъ гроздья рдѣній.
 Тамъ Отчій Домъ. Лишь это не забудь.

ПРИЧАСТИЕ.

Нашъ день оконченъ въ огненномъ закатѣ,
 Нашъ свѣтъ уходитъ въ ночь, гдѣ свѣжій гроздъ
 Разсыпанныхъ по небу дружныхъ звѣздъ
 Насъ причастить высокой благодати.

Придите миротворческія рати
 Алмазныхъ думъ. Означься къ небу мостъ.
 Я какъ дитя растроганъ здѣсь и простъ.
 Я прямъ какъ бѣлый цвѣтъ на горномъ скатѣ.

День утонулъ, въ которомъ я любилъ.
 Заря съ зарей переглянулись взглядомъ,
 Одна другой добросивъ водопадомъ, —

Огни, лучи, цвѣты, всю мысль, весь пыль.
 Сегодня Богъ прошелъ цвѣтущимъ садомъ,
 И часть одинъ я полубогомъ былъ.

ТИШИНА.

Какъ тихо проплываютъ вереницы
 Воздушной мглы, тамъ въ зеркалѣ, точь въ точь
 Такой же, какъ вверху уходитъ прочь,
 До тучевой цѣпляяся станицы.

Какъ шелестъ тихъ прочитанной страницы.
 Душа, забыть тоску уполномочь.
 Я, слышу, какъ идетъ чуть слышно Ночь,
 Тѣнь медленной мнѣ пала на рѣшицы.

Всѣ пропасти закрылись синей мглой.
 Все бывшее желанію искомымъ
 Въ душѣ безгласной строить аналой.

Весь міръ сомкнулся храмовымъ объемомъ.
 Святая Ночь. Я братъ. Будь мнѣ сестрой.
 Дай млечность сновъ. И въ Вѣчность путь открой.

ПОСТЕЛЬ.

Ты островъ сновъ, пустыня голубая,
 Въ которой лишь густой вѣтвится хмѣль,
 Моя благословенная постель,
 Гдѣ начинаю жить я, засыпая.

Сказительница вѣщаго слѣпая,
 Стрѣлой безцѣльной, вѣчно бьющей въ цѣль,
 Ты въ сердцѣ заставляешь пѣть свирѣль,
 И мысль свѣтлѣеть, въ тайнахъ утопая.

Въ тебѣ когда-то былъ я здѣсь рожденъ.
 Въ тебѣ узналъ восторгъ самозабвенья,
 Гдѣ кровь уводить въ Вѣчность чрезъ мгновенье.

Съ тобой мой самый крайній мигъ сплетенъ.
 Я сплю. И темный мой ковчегъ желѣзный
 Сталь золотымъ, плывя созвѣздной бездной.

КОВЕРЬ.

Я сплю. А на стѣнѣ моей коверъ.
 Онъ плотно всю затягиваетъ стѣну.
 Я вижу нѣжныхъ красокъ перемѣну.
 Деревня. Рѣчка. Лѣсъ. Весенній хоръ.

Тамъ дальше городъ. Сказочный соборъ.
 Душа глядитъ. Отдаться рада плѣну.
 Въ саду качаетъ вѣтерокъ вервену.
 Луна съ звѣздой ведетъ переговоръ.

Сбѣгаешь въ пропасть влага водопада.
 Но прощать — тамъ. Она ушла за край.
 Есть златоосень, если конченъ май.

Изъ бѣлыхъ льдовъ блистательна ограда.
 Она моя. Миѣ разумѣть не надо,
 Что тамъ за ней. Я жилъ. Я сплю. Прощай.

СМЕРТЬ.

Я помню, мнѣ четыре было года,
 Весна была цвѣтиста и свѣтла,
 Когда старушка-няня умерла.
 Я былъ одинъ. И я стоялъ у входа.

Что значить смерть? Вся искрилась природа.
 Но пяня спитъ. И странно такъ бѣла.
 Унылились вдали колокола.
 Въ село отъ насъ пошла толпа народа.

Я не пошелъ. На няню посмотрѣвъ,
 Я въ маломъ сердцѣ ощутилъ стѣсненіе.
 И скрылся въ садѣ. Тамъ птичье было пѣнье.

И слушая деревъ и птицъ напѣвъ,
 Я думалъ, что цвѣты и озареніе
 Дѣйствительность, а смерть лишь заблужденіе.

КОЛЬЦА.

Ты спиши въ землѣ, любимый мой отецъ,
 Ты спиши, моя родная, непробудно.
 И какъ безъ васъ мнѣ часто въ жизни трудно,
 Хоть много знаю близкихъ мнѣ сердецъ.

Я въ мірѣ вами. Черезъ васъ пѣвецъ.
 Мнѣ ваша правда свѣтить изумрудно.
 Однажды духомъ слившиесь обоюдно,
 Вы уронили звонкій дождь колецъ.

Они горятъ. Въ нихъ золото оправа.
 Они поютъ. И изъ страны въ страну
 Иду, вѣщая Солнце и весну.

Но для чего безъ васъ мнѣ эта слава?
 Я у Рѣки. Когда же переправа?
 И я съ любовью кольца вамъ верну.

ПРОБЛЕСКИ.

Возникъ ли я въ круженіи столѣтій,
 Что наконецъ соткали должный часъ,
 Какъ мысли усложненной яркій сказъ,
 Какъ жемчугъ, что въ искусной найденъ сѣти?

И гдѣ впервые, на какой планетѣ,
 Я глянуль въ Солнце взоромъ тѣхъ же глазъ?
 И, здѣсь родясь, умру въ который разъ?
 Кто мнѣ отвѣтить на вопросы эти?

Лишь проблески отвѣта я найду,
 И тотчасъ же ихъ снова утеряю.
 Въ ночи, гдѣ снамъ ни мѣры нѣть, ни краю.

И увидавъ падучую звѣзду.
 Еще въ любви. Еще въ живомъ бреду,
 Когда любовь я пѣсней измѣряю.

ЛЮБИМЫЕ.

Мы вѣль любили любящихъ любимыхъ,
Которымъ присудилъ сладчайшій стихъ
Кружиться, неразлучными, двоихъ,
И въ смерти и въ любви нераздѣлимыхъ.

Все въ снахъ земли они и въ адскихъ дымахъ,
Двѣ птицы, два крылатыхъ духа, въ чьихъ
Мечтаньяхъ пламень страсти не затихъ
И тамъ, среди пространствъ необозримыхъ.

Но, если вѣчный блескъ Франческѣ данъ
Медвянымъ Данте, съ лицомъ обожженымъ,
Желаний мнѣ, Бретонскій сонъ, Тристанъ

Съ Изольдой. Пыткамъ сердца повтореннымъ
Ихъ предалъ, ихъ качавшій, Океанъ,
Сумѣвшій дать сліянье — раздѣленнымъ.

ПАНТЕРА.

Она пестра, стройна, и горяча.
 Насытится, и на три дня дремота.
 Проснется — и предчувствуетъ. Охота
 Ее зоветъ. Она встаетъ, рыча.

Идетъ, лѣниво длинный хвостъ влача.
 А мѣхъ ея пятнистый. Позолота
 Мерцаетъ въ немъ. И говорилъ мнѣ кто-то,
 Что взоръ ея — волшебная свѣча.

Духъ отъ нея идетъ весьма пріятный.
 Ее воспѣль, средь острыхъ горъ, Грузинъ,
 Всѣхъ любящихъ призывный муэззинъ, —

Чей стихъ — алоэ, густо-ароматный.
 Какъ барсъ, ее онъ понялъ лишь одинъ,
 Горя зарей кроваво-беззакатной.

БЛЕСКЪ БОЛИ.

«Дай сердце миѣ твое нераздѣленнымъ»,
 Сказала Таріэлю Нэстанъ-Джаръ.
 И столько было въ ней глубокихъ чаръ,
 Что только ею онъ пребылъ зажженнымъ.

Лишь ей онъ былъ растерзаннымъ, взметеннымъ,
 Лишь къ Нэстанъ-Дарэджанъ былъ весь пожаръ.
 Лишь молниѧ стремить такой ударъ,
 Что ей нельзя не быть испепеленнымъ.

О, Нэстанъ-Джаръ! О, Нэстанъ-Дарэджанъ!
 Любовь твоя была какъ вихрь безумій.
 Твой милый былъ въ огнѣ, въ жерлѣ, въ самумѣ.

Но высшей боли — блескъ сильнѣйшій данъ.
 Ее пропѣль, какъ никогда не пѣли,
 Пронзеннымъ сердцемъ, Шота Руставели.

ДВА ЦВѢТА.

Прекрасенъ ротъ, какъ роза припадая
 Къ другому рту. Прекрасенъ даръ боговъ.
 Румяность крови въ рдѣнья лепестковъ,
 Страсть смотрить въ Вѣчность, въ сердцѣ рас-
 цвѣтая.

Изъ капли счастья — Океанъ безъ края,
 Огонь залилъ всѣ грани береговъ.
 Но есть костры, чей огнь бѣлый снѣговъ,
 Гдѣ духъ поеть, въ отъятости сгорая.

Красивъ въ вѣкахъ тотъ звонкій сазандарь,
 Что сплелъ коверъ изъ облачной кудели,
 Струна любви, пронзенный Руставели.

Красивъ расцвѣть лилейно-бѣлыхъ чаръ,
 Снѣжистый лотосъ въ водной колыбели.
 Луна — вдали, какъ далека — Тамаръ.

НЕРАЗДЪЛЕННОСТЬ.

Приходитъ мигъ раздумья. Истомленный,
 Вникаешь въ полнозвучныя слова
 Капонъ медвяныхъ, гдѣ едва-едва
 Вздыхаетъ голось плоти уязвленной.

Витторія Колонна и влюбленный
 Въ нее Буонаротти. Эти два
 Сіянія, чья огненность жива
 Черезъ столѣтья, въ дали отдаленной.

Любить нераздѣленно, лишь мечтой.
 Любить безъ поцѣлую и объятья.
 Въ благословенныи чувствовать заклятье.

Творецъ Сибилль конечно былъ святой.
 И какъ бы могъ сполна его понять я?
 Звѣзда въ мірахъ постигнута — звѣздой.

МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО.

Векликъ «Кто какъ Богъ!» есть имя Михаила.
 И Ангеломъ здѣсь звался. Межъ людей
 Онъ былъ запечатлѣнностью страстей.
 Въ попраныи ихъ его остырилась сила.

Въ десницѣ Божьей тяжкое кадило,
 Гнетущій воздухъ ладанныхъ огней
 Излилъ душой онъ сжатою своей.
 Она, свѣтясь, себя не освѣтила.

Стремясь съ Земли и отъ земного прочь,
 Въ суровости онъ измѣнилъ предметы,
 И женщины его съ другой планеты.

Онъ возлюбилъ Молчаніе и Ночь.
 И лунно погасивъ дневные шумы,
 Сибиллъ и Вѣщихъ бросилъ онъ въ самумы.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Художникъ съ гибкимъ тѣломъ леонарда,
 А въ мудрости лукавая змѣя.
 Во всѣхъ его созданьяхъ есть струя,
 Духъ белладонны, ладана, и нарда.

Въ немъ зодчій сновъ любилъ пѣвучесть барда,
 И магъ — о каждой тайгѣ бытія
 Шепталъ, ее качая: «Ты моя» .
 Не тщетно онъ зовется Леонардо.

Крылатый былъ онъ человѣколевъ.
 Еще немнога, и, глазами рыси
 Полеты птицъ небесныхъ подсмотрѣвъ, —

Онъ долженъ былъ парить, и вѣдать выси.
 Среди людскихъ, текущихъ къ Безднѣ, рѣкъ,
 Имъ предугаданъ былъ Сверхчеловѣкъ.

МАРЛО.

Съ блестящей мыслью вышелъ въ путь онъ рапо,
Учуявшъ сочетаніе примѣтъ.
Преобразилъ въ зарю сѣдой разсвѣтъ,
Повторной чарой зоркаго шамана.

Величіемъ въ немъ сердце было пьяно.
Онъ прочиталъ вліяніе планетъ
Въ судьбѣ людей. И пламенный поэтъ
Безбрежный путь увидѣлъ Тамерлана.

Въ немъ бывшій Фаустъ болѣе великъ,
Чѣмъ позднее его изображеніе.
Борецъ, что въ самомъ мигѣ низверженья

Хранить въ ночи огнемъ зажженный ликъ.
И смерть его — пустынио-страстный крикъ
Въ безумный вѣкъ безмѣрнаго хотѣнья.

ШЕКСПИРЬ.

Средь инструментовъ, всѣхъ волшебнѣй лира: —
 Въ пьянящій звонъ схвативъ текучій дымъ,
 Въ столѣтьяхъ мы мгновенье закрѣпимъ,
 И зеркало даемъ въ стихѣ для міра.

И лучшій часъ въ живомъ весельи пира, —
 Когда поеть пѣвецъ, мечтой гонимъ,
 И есть такой, что вотъ мы вѣчно съ нимъ,
 Плѣняясь звучнымъ именемъ Шекспира.

Нагромоздивъ созданія свои,
 Какъ глыбы построеній исполина,
 Онъ взнесъ гнѣздо, которое орлино, —

И показалъ всѣ тайники змѣи.
 Гигантъ, чей духъ — пловучая картина,
 Ты — нашъ, чрезъ то, что здѣсь мы всѣ — твои.

КАЛЬДЕРОНЪ.

La Vida es Sueño. Жизнь есть Сонъ.
 Нѣтъ истины иной такой объемной.
 Отъ грезы къ грезѣ въ сказкѣ полутемной.
 Онъ понялъ міръ, глубокій Кальдеронъ.

Когда любилъ, онъ жарко былъ влюбленъ.
 Въ странѣ, гдѣ пламень жизни не заемный,
 Онъ весь былъ жгучій, солнечный, и громный.
 Но полюбилъ предъ смертью долгій звонъ.

Царевичъ Сэхиемундо. Разсужденье
 Земли и Неба, Сына и Отца.
 И свѣтъ и тѣнь Господняго лица.

Да, жизнь есть сонъ. И сонъ всѣ сновидѣнья.
 Но тотъ достоинъ высшаго вѣнца,
 Кто и во снѣ не хочетъ заблужденья.

ЭДГАРЪ ПО.

Въ его глазахъ фіалковаго цвѣта
 Дремалъ въ земномъ небесно-зоркій духъ.
 И такъ его былъ чутокъ острый слухъ,
 Что слышалъ онъ передвиженья свѣта.

Чу. Ночь идетъ. Мы только видимъ это.
 Онъ слышалъ. И шуршанья Нориъ-Старухъ.
 И вздохъ цвѣтка, что на Лунѣ потухъ.
 Онъ вѣдалъ все, онъ, межъ людей комета.

И другъ безвѣстный полюбилъ того,
 Въ комъ знанье лада было въ Хаосъ влито,
 Кто возводилъ земное въ Божество.

На смертный холмъ того, чья боль забыта,
 Онъ положилъ, любя и чтя его,
 Какъ вѣрный знакъ, кусокъ метеорита.

ШЕЛЛИ.

Изъ облачка, изъ воздуха, изъ грезы,
 Изъ лепестковъ, лучей, и волнъ морскихъ,
 Онъ могъ соткать такой дремотный стихъ,
 Что до сихъ поръ тамъ дышетъ духъ мимозы.

И въ жизненные былъ онъ вброшенъ грозы,
 Но этотъ вихрь промчался и затихъ.
 А крылья духовъ, — да, онъ свѣялъ ихъ
 Въ стихи съ огнемъ столепестковой розы.

Но чаще онъ не алый, — голубой,
 Опаловый, зеленый, густо-синій,
 Пастухъ цвѣтовъ, съ изогнутой трубой.

Красивый духъ, онъ шелъ — земной пустыней,
 Но къ Морю, зная сонъ, который данъ
 Вступившимъ въ безграничный Океанъ.

ВЕЛИКИЙ ОБРЕЧЕННЫЙ.

Онъ чувствовалъ симфоніями свѣта,
 Онъ слиться звалъ въ одинъ пловучій храмъ —
 Приосновеня, звуки, оиміамъ,
 И шествія, гдѣ танцы какъ примѣта, —

Всю солнечность, пожаръ цвѣтовъ и лѣта,
 Все лунное гаданье по звѣздамъ,
 И громы тутъ, и малый лепетъ тамъ,
 Дразненя музыкального расцвѣта.

Проснуться въ Небо, грезя на Землѣ.
 Разсыпавъ вихри искръ въ пронзенной мглѣ,
 Въ горѣнья жертвы былъ онъ неослабенъ.

И такъ онъ вился въ пламенномъ жерлѣ,
 Что въ Смерть проснулся, съ блескомъ на челѣ,
 Безумный эльфъ, зазывъ, звенящій Скрябинъ.

ЭЛЬФЪ.

Сперва играли луннымъ свѣтомъ феи.
 Мужской діэзъ, и женское, бемоль,
 Изображали поцѣлуй и боль.
 Журчали справа малыя затѣи.

Прорвались слѣва звуки-чародѣи.
 Запѣла Воля вскликомъ слитныхъ воль.
 И свѣтлый Эльфъ, созвучностей король,
 Ваялъ изъ звуковъ тонкія камен.

Завихрилъ лики въ токѣ звуковомъ.
 Опи свѣтились золотомъ и сталью,
 Смѣняли радость крайнею печалью.

И шли толпы. И былъ пѣвучимъ громъ.
 И человѣку Богъ былъ двойникомъ.
 Такъ Скрябина я видѣлъ за роялью.

ЛЕРМОНТОВЪ.

1.

Опальный ангель, съ небомъ разлученный,
 Узывный демонъ, разлюбившій адъ,
 Вѣтровъ и бурь бездомныхъ страний братъ,
 Душой впимавшій пѣснѣ звѣздъ всезвонной, —

На праздникъ какъ призракъ похоронный,
 Въ затишии дней тревожацій набатъ,
 Нѣть, не случайно онъ среди громадъ
 Кавказскихъ — мигъ узналъ смертельно-сонный.

Гдѣ могъ онъ такъ красиво умереть,
 Какъ не въ горахъ, гдѣ небо въ часъ заката
 Расплавленное золото и мѣдь, —

Гдѣ ключъ, пробившиесь, долженъ звонко пѣть,
 Но также долженъ въ плачѣ пасть со ската,
 Чтобъ гнѣвно въ узкой пропасти гремѣть.

2.

Внимательны ли мы къ великимъ славамъ,
 Въ которыхъ изъ міровъ нездѣшихъ свѣтъ?
 Кольцовъ, Некрасовъ, Тютчевъ, звонкій Фетъ,
 За Пушкинамъ явились величавымъ.

Но раньше ихъ, въ сіяніи кровавомъ,
 Въ горѣнии зорь, въ сверкании лучшихъ лѣтъ,
 Людьми былъ загнацъ пламенный поэтъ,
 Не захотѣвшій медлить въ мірѣ ржавомъ.

Внимательны ли мы хотя теперь,
 Когда съ тѣхъ поръ прошло почти столѣтье,
 И радость или горе долженъ пѣть я?

А если мы открыли къ свѣту дверь,
 Да будетъ духъ нашъ солнеченъ и цѣленъ,
 Чтобъ не былъ мертвый вновь и вновь застрѣленъ.

3.

Онъ былъ одинъ, когда душой алкалъ,
 Какъ пѣнныи конъ, въ разбѣгѣ дикихъ гонокъ.
 Онъ былъ одинъ, когда, полуребенокъ,
 Онъ въ Байронъ своей тоски искалъ.

Въ разливѣ нивъ, и въ перстихъ сѣрыхъ скалъ,
 Въ игрѣ ручья, чей плескъ блестящъ и звонокъ,
 Въ мечтѣ цвѣточныхъ ласковыхъ коронокъ,
 Онъ видѣлъ медъ, который отвергалъ.

Онъ былъ одинъ, какъ смутная комета,
 Что головней съ пожарища летитъ,
 Внѣ правила расчисленныхъ орбитъ.

Нездѣшняго звала къ себѣ примѣта
 Нездѣшняя. И сжегъ свое онъ лѣто.
 Однажды ли онъ въ смерти былъ убитъ?

4.

Мы убиваемъ генія стократно,
 Когда, рукой, его убивши разъ,
 Вновь затѣваемъ скучный нашъ разсказъ,
 Что намъ мечта чужда и непонятна.

Есть въ мірѣ розы. Дышутъ ароматно.
 Цвѣтуть вездѣ. Желають свѣтлыхъ глазъ.
 Но заняты собой мы каждый часъ,
 Мигъ встрѣчи душъ уходитъ безвозвратно.

За то, что онъ, кто былъ и гордъ и смѣль,
 Блуждая самъ надъ сумрачною бездной,
 Намъ въ дѣствѣ въ душу Ангела напѣль, —

Свершимъ, сейчасъ же, сто прекрасныхъ дѣлъ,
 Онъ намъ блеснетъ улыбкой многозвѣздной,
 Не покидая вышній свой предѣлъ.

ВЯЗЬ.

Ты по цвѣтамъ найдешь дорогу къ Раю.

Вячеславъ Ивановъ.

1.

И ты, кого, по существу, желаю
На жизненныхъ путяхъ встрѣтить вездѣ,
Кому, звѣздой, любя, пою звѣздѣ,
Мнѣ говоришь, что возвращусь я къ Раю.

Но я, прошедшій весь свой путь по маю,
Я знающій, какъ холодно водѣ,
Когда ей воздухъ шепчетъ вѣсть о льдѣ,
Твоихъ желанныхъ словъ не понимаю.

Ты говоришь: Дорога — по цвѣтамъ.
Но знаешь ли, какъ страшно изумленье,
Когда подземный стебель стынетъ — Тамъ?

Въ землѣ промерзлой жутки развѣтвленья.
И все пчела, и все къ цвѣтамъ склоненъ,
Въ звенѣнье крылья ввозжу церковный звонь.

2.

Я чувствую, какъ стынетъ небосклонъ,
 Въ безчисленныхъ возвратахъ повтореній
 Все тѣхъ же силь, концовъ, пачаль, бореній,
 Отверженныхъ и избранныхъ племенъ.

То вверхъ, то внизъ, по вѣчно жизнь есть сонъ.
 Сверженѣе въ бой, чтобъ знать всю рьяность рвеній,
 И вѣдать, послѣ, счастье замиреній.
 И снова гулъ несчетныхъ веретенъ.

А я? Не совершая ли влюбленье
 Цвѣтка въ цвѣтокъ, съ зари и до зари,
 Пчела лишь собираетъ янтарь?

У пчель есть тайны, виѣ досягновенья.
 Мой медъ — не миѣ. Мой воскъ — на алтари.
 Себѣ хочу лишь одного: Смиренья.

3.

Да будутъ безпредѣльны восхваленья
 Того, что зажигаетъ въ сердцѣ жаръ,
 И крайній въ сердце намъ несетъ ударъ,
 Клоня рѣсницы въ сумракъ усыпленья.

Красивъ покой беамѣрный. Бѣгъ мгновенья,
 Навѣкъ запечатлѣнныи властью чаръ.
 Красивъ усопшій Мѣсяцъ, Свѣтозаръ.
 Красивѣй всѣхъ — рыдающее пѣнье.

Снѣгами убѣленная любовь,
 Забывъ огонь лобзаній и обиды,
 Въ мерцающи свѣчѣ внимастъ панихиды.

Душа, покорно саванъ приготовь.
 За прись. Замкнись въ снѣжистую завѣю,
 И ты, кого люблю я и жалѣю.

ВНЪ ЗНАНІЯ.

1.

Что знаемъ мы о мысляхъ муравья,
 И развѣ говорили мы съ пчелою?
 Отсюда мы уразумѣемъ Трою,
 Но слѣпы въ одиссеѣ Бытія.

Издревле человѣческое я
 Признало Мѣсяцъ, Солнце, громъ съ грозою,
 Моря и Небо съ дружной бирюзою,
 Но, слушая, не слышитъ рѣчь ручья.

Паукъ плететъ искуснѣй паутину,
 Чѣмъ мы шелки. И носить щитъ съ крестомъ.
 Но чѣмъ, зачѣмъ, куда, и какъ ведомъ

Тотъ хищный рыцарь? Онъ творить картину.
 Какъ мы творимъ — безвѣстнымъ намъ путемъ.
 Окутанъ тайной прочною нашъ домъ.

2.

И, можетъ-быть, что съ Богомъ я ровесникъ,
 И, можетъ-быть, что Имъ я сотворенъ.
 Но что мнѣ въ томъ? Цвѣтокъ мой — смертный
     лень.
 И каждый мигъ — мнѣ неизвѣстный вѣстникъ.

Лишь въ производномъ помыслѣ мой — кудесникъ,
 Хоть Божествомъ мой разумъ обрамленъ.
 Въ мірскомъ пиру, среди живыхъ племенъ,
 Кто бъ ни былъ я, я — недовольный мѣстникъ.

Нѣтъ, вольный вѣтеръ намъ не побратимъ.
 Мы на путяхъ земного разсужденья
 По грани ощущенія скользимъ.

Проходитъ часъ, мы измѣнились съ нимъ.
 Горимъ въ кострахъ безбрежнаго хотѣнья,
 Но нашъ огонь всегда уходить въ дымъ.

3.

Я не люблю унышья и соми́нья,
 Себя да будетъ каждый — властелинъ.
 Волшебенъ зной. Волшебны звоны льдинъ.
 Волшебно все въ играньяхъ измѣненья.

Зачѣмъ рѣшать я буду уравненье,
 Гдѣ слишкомъ много тайныхъ величинъ?
 Тутъ поступить — достойный путь, одинъ: —
 Пустить стрѣлу, и сердце бросить въ пѣнье.

Моя стрѣла оперена мечтой,
 Я для себя достану ей Жаръ-Птицу.
 Я написаль блестящую страницу.

Я создалъ слово Сказки Молодой.
 Лети, душа, съ довѣремъ за звѣздой,
 Лети, орель, и догони орлицу.

РАГЛЬ.

1.

Гдѣ вровень съ желтымъ небо густо-сине,
 Тамъ, гдѣ въ пескахъ такая жуть и тиши,
 Что, къ нимъ придя, мгновенно замолчишь,
 Есть вѣдьма Рагль, волшебница Пустыни.

Нашъ длинный караванъ идетъ къ Святынѣ.
 Но вдругъ — двойное зреѣнье. Видишь — мышь.
 Одна, другая, пятая. Глядишь, —
 Ихъ сонмы. Каждый ликъ — лишь въ половинѣ.

Бѣгутъ десятки тысячъ — лишь перѣдъ.
 И половинки заднія, песками,
 Спѣшатъ, порочатъ желтый путь хвостами.

Алла! Алла! Нашъ путь къ тебѣ идетъ!
 Пусть вѣдьма Рагль обманамъ кончить счетъ.
 Дай намъ дойти, не завлекаясь снами!

2.

Я знаю, что песокъ передо мной,
 Я довѣряюсь зѣнию верблюда.
 Но предо мною вѣдьмовское чудо,
 Колодецъ, ровъ съ играющей волной.

Онъ страшенъ мнѣ бездонной глубиной.
 Туда войду, а выйду ли оттуда?
 Верблюдъ идетъ. Я буду ждать, покуда
 Онъ крѣпость мнѣ горбатою спиной.

Верблюдъ прошелъ. Но влага — предо мною.
 И хочется лицомъ прильнуть къ волнѣ.
 Плескаться въ той студеной глубинѣ.

Конецъ тамъ будетъ жаждѣ, отдыхъ зною.
 Алла! Алла! Себя ли я укрою
 Передъ Тобой? Будь милостивъ ко мнѣ!

3.

Какъ бархатъ ночь. Какъ райскій вздохъ —
прохлада.

Потоки звѣздъ. Вольнѣе караванъ.

Ужъ скоро будетъ отдыхъ вѣрнымъ данъ.

Читай молитвы. Только это надо.

Всевышній съ нами. Съ нимъ избѣгнемъ ада.
Нѣтъ въ мірѣ книгъ. Лишь есть одинъ Коранъ,
Росою звѣздъ во-вѣки осіянъ.

Чу! Гдѣ-то розы возлѣ водоспада.

Поетъ, журчить, и пѣнится родникъ.

Недугъ оконченъ зреїнія двойного.

Молись, чтобъ онъ къ тебѣ не вкрадся снова.

Алла Акбаръ! Лишь Богъ одинъ великъ!

Сквозь мглу пустыни ведеть Онъ въ радость крова.

Алла! Алла! Я вѣчный Твой должникъ!

РѢШЕНЬЕ.

1.

Рѣшеньемъ Полубога Злополучій,
 Два мертвыхъ Солица, въ ужасахъ пространствъ,
 Законъ нарушивъ долгихъ постояннствъ,
 Соотношенній грозныхъ бѣгъ тягучій, —

Столкнулись, и толчокъ такой быль жгучій,
 Что Духи Взрыва, въ ширѣ буйныхъ пьянствъ,
 Соткали новоявлепныхъ убранствъ
 Оплотъ, простирая огненною тучей.

Два Солица, встрѣтясь въ вихрѣ жаркихъ струй,
 Въ пространствахъ разошлись невозвратимо,
 Оставивъ Шаръ изъ пламени и дыма.

Вотъ почему намъ страшенъ поцѣлуй,
 Бѣгъ сѣменной, и танецъ волоконца: —
 Здѣсь лѣтопись возникновенія Солица.

2.

Бываетъ встрѣча мертвыхъ кораблей,
Тамъ далеко, среди Морей Полярныхъ.
Межъ льдовъ они затерты свѣтозарныхъ,
Потокъ пришелъ, толкнулъ богатырей.

Они плывутъ навстрѣчу. Все скорѣй.
И силою касаній ихъ ударныхъ
Разорванъ ликъ сокрытостей кошмарныхъ,
И тонуть тайны въ бѣшенствѣ зыбей.

Такъ наше Солнце, ставшее свѣтиломъ
Для всѣхъ содружно-огненныхъ планетъ,
Пріяло Смерть, въ себя пріавши Свѣтъ.

И мы пойдемъ до грани по могиламъ,
Припоминая по почамъ себя,
Когда звѣзда сорвется, свѣтъ дробя.

3.

Два мертвых Солица третье породили,
На мигъ оживъ горѣніемъ въ толчкѣ,
И врозь поплыли въ Міровой Рѣкѣ,
Свѣтило-Призракъ грезя о Свѣтилѣ.

Мигъ встрѣчи ихъ остался въ пашей были,
Онъ явствененъ въ глубокомъ родникѣ,
Велить душѣ знать боль и быть въ тоскѣ,
Но чуять въ пыткѣ вѣщій шорохъ крылій.

О камень камень — пламень. Жизнь горить.
До сердца сердце — боль и счастье встрѣчи.
Любимая! Два Солица — намъ предтечи.

И каждый павшій ницъ метеоритъ
Есть звукъ изъ мірозданной долгой рѣчи,
Которая намъ быть и жить — велить.

КОНИ.

1.

Когда еще не въдали оковъ,
 И не было живымъ — хлыста съ уздою,
 Звѣзда перекликалась со звѣздою,
 Задолго до молчанія вѣковъ.

Въ пространствахъ нескончаемыхъ луговъ
 Кормились, въ числахъ, кони, съ красотою
 Горячей. Словно тучи падь водою,
 Рождали гулъ копыта безъ подковъ.

Охотились за тѣми косяками
 Стрѣлки кремневыхъ стрѣль. Здѣсь каждый юнъ.
 Застрѣленъ, пожранъ тысячный табунъ.

Но тотъ да будетъ вѣчно славимъ нами,
 Кѣмъ огненная схвачена волна,
 Кто въ первый разъ вскочилъ на скакуна.

2.

Коварный ли то былъ полуребенокъ,
 Которому удѣль былъ гордый данъ
 Забросить петлей мѣткою арканъ,
 Въ которой, взвывъ, забился жеребенокъ?

Былъ юный голость звѣря остръ и звонокъ,
 Былъ юный звѣрь отъ изумленья пьянъ.
 А юноша прымитъ свой сильный станъ,
 Начавъ тысячелѣтья дикихъ гонокъ.

А, можетъ-быть, то былъ ужъ зрѣлый мужъ,
 Который притаился надъ откосомъ,
 Отъ конскихъ глазъ укрыть сѣдымъ утесомъ.

Вдругъ на коня онъ соскользнулъ какъ ужъ.
 И былъ какъ духъ. Летѣль, схватясь за гриву,
 Стремя коня къ истомѣ, по обрыву.

3.

Ихъ было десять тысячъ жеребцовъ,
 Тринадцать тысячъ кобылицъ красивыхъ.
 Въ разметанныхъ и своевольныхъ гривахъ
 Свистѣли вѣтръ степей и вѣтръ луговъ.

Цвѣтъ вороной у жаркихъ былъ самцовъ.
 У самокъ красный. Съ клекотомъ, на срывахъ
 Орлы садились. О разливныхъ нивахъ
 Еще не встала мысль въ почахъ умовъ.

Въ почахъ ли? Только въ зоряхъ сердца рдяныхъ
 Всѣ были существа. Но вотъ вѣка
 Сомкнулись. Изъ другого косяка

Явился бѣлый конь въ тѣхъ страстныхъ странахъ.
 И вмигъ, его завидя, вся орда
 Заржала, гуломъ, какъ въ разливъ вода.

4.

Предъ ликами, что сгрудились въ аравахъ,
Предъ красно-вороной рѣкой коней,
Гдѣ въ числахъ ночь, и въ числахъ жаръ огней,
Въ вѣкахъ начальныхъ, временахъ не ржавыхъ, —

Въ горѣнья крови, въ пламенныхъ забавахъ,
Гдѣ жеребецъ, съ кобылою своей
Любясь, порой хребетъ ломалъ у ней,
Въ невозвратимыхъ полновластныхъ славахъ, —

Въ веселіи играющихъ погонь,
Съ косящими черными очами,
Съ дрожащими и дымными ноздрями, —

Откуда всталъ тотъ страшный бѣлый конь?
И въ чёмъ былъ страхъ? Припесъ ли
вѣсть онъ злую?
Но кони вѣсъ бѣжали вразсыпную.

5.

Какъ вѣть вѣтеръ въ звонахъ ковыля,
Какъ небо высоко надъ ширью степи.
Но древній сонъ замкнуть въ безгласномъ склепѣ.
Забыла пламя марева Земля.

Какъ шепчетъ вѣтеръ, пылью шевеля.
Но порваны златыя звенья цѣпи,
Духъ полюбилъ быть въ запертомъ вертепѣ,
Межи углами врѣзались въ поля.

Въ тотъ страстный край, гдѣ черный цвѣтъ и
красный,
Пріявиши бѣлый, стихли въ пестротѣ,
Пути заглохли. Лики всѣ не тѣ.

Лишь въ часъ Войны, лишь въ боѣ, въ часъ опасный,
На мигъ въ возвратѣ къ прежней красотѣ,
Есть въ ржаныи звукъ, съ огнемъ временъ
согласный.

ОНЬ И ОНА.

1.

Онъ и Она — не два ли разночтенья
 Красиваго сказанія временъ?
 Два звука, чтобъ создать единый звонъ,
 Два атома, въ законѣ тяготѣнья.

Весной въ великий праздникъ всесожженья,
 Одною хотью каждый духъ взметенъ.
 Другъ другомъ зажжены она и онъ.
 Иль только лишь хотѣнiemъ хотѣнья?

Въ весеннее раскрытое окно
 Со всѣхъ сторонъ доходятъ къ сердцу звуки,
 Въ нихъ сладость упоительнѣйшей муки.

Сто тысячъ дальнихъ звѣздъ въ нихъ зажжено.
 И молимъ мы, ломая розно руки,
 Того, что есть по существу одно.

2.

Того, что есть по существу одно,
 Хотя бы въ лицахъ намъ являлось разныхъ,
 Но въ скрѣпахъ утвержденного алмазныхъ,
 Желають всѣ. Кѣмъ брошено зерно?

Не знаемъ, и не все ли намъ равно.
 Мы быть должны въ плѣняющихъ соблазнахъ.
 Средь строгихъ словъ дай лепетовъ несвязныхъ,
 Въ вѣкахъ тоски шуми веретено.

Сѣдыхъ временъ цвѣтущее сказанье,
 Какъ можемъ не хотѣть и не любить?
 Опять, скрутивъ, сплетемъ живую нить.

И, вновь порвавъ, для счастья разверзанья,
 Направимъ духъ туда, гдѣ все темно: —
 Намъ таинства разоблачаетъ дно.

1925

RUSSIAN PROGRESSIVE
AID SOCIETY OF TOS

3.

Намъ таинства разоблачаетъ дно,
 Когда мы вѣмъ зажженнымъ страстью тѣломъ
 Прильнемъ въ любви къ безумящимъ предѣламъ,
 И двойственное въ цѣльность сплетено.

Хочу. Люблю. Хотѣлъ. Всегда. Давно.
 Зачѣмъ же сердце, съ шопотомъ песмѣлымъ,
 Задумалось надъ сномъ оцѣпенѣлымъ,
 И пьяностью своей ужь не пьяно?

Такъ это-то завѣтнѣйшая тайна?
 Даль силъ ходъ, и вотъ я вдвое слабъ.
 Тоска ползетъ глубинно и безкрайно.

Зачѣмъ въ любви я черезъ вольность рабъ?
 И скучно мгнъ обычное теченье
 Восторга, созерцанья, и мученья.

4.

Восторга, созерцанья, и мученья
 Замкнулась утомительная цѣпь.
 Ужъ въ синюю не выѣду я степь,
 И слышу колыбельное я пѣнье.

Баю. Баю. Засни для сновъ, творенье.
 Раскрой глаза. Ужъ кровь сцѣпилась въ лѣпь.
 Въ комокъ — мечта. Кипи, душа, свирѣль,
 И жги себя. Не разомкнешь сцѣпленья.

Но я хотѣлъ любви, одной любви.
 Завороженъ рѣшеньями заклятья,
 Чрезъ поцѣлуй я вовлеченъ въ зачатье.

И шепчетъ духъ недобрый: Нить порви.
 Мысль возбраняется жуть посягновенъя.
 Все въ мірѣ знаетъ вѣрное влеченье.

5.

Все въ мірѣ знаетъ вѣрное влеченье.
 Идутъ планеты линіей орбітъ,
 И веселъ кротъ, когда все въ мірѣ спить,
 И знаетъ путь свой каждое растеніе.

Блѣднѣеть ландышъ въ сладкій часъ цвѣтенья,
 Но красный сокъ имъ въ гроздья ягодъ влитъ.
 Зачѣмъ же ты, тоскуюцій болидъ,
 Стремишь въ ночи безплодное горѣнье?

Зачѣмъ съ лѣсной колдуньей заодно
 Ты собираешь призрачныя травы?
 Вы оба передъ Вѣчностью неправы.

Упорствуешь. Приди не суждено,
 Чрезъ волчій сглазъ и змѣйныя отравы,
 Къ тому, что здѣсь закончить не дано.

6.

Къ тому, что здѣсь закончить не дано,
 Но что горитъ мгновенною зарницей,
 Что дѣлаетъ тебя крылатой птицей,
 Иди, въ немъ златоцвѣтное руно.

Въ любви да будетъ сердце влюблено,
 Но, громоздя восторги вереницей,
 О, бойся стать какъ демонъ блѣднолицый,
 Не разрушай колосья и гумно.

Безумецъ, кто дерзаетъ раздробленье.
 Предвѣчна цѣпь. И страшны острія.
 И вѣчно ль слушать «Твой» или «Твоя» ?

Нѣть счастья въ самовольни преступленья.
 И въ звѣздный міръ, гдѣ все озарено,
 Къ звену идетъ ведущее звено.

7.

Къ звену идетъ ведущее звено,
 И капля къ каплѣ росы заблестѣли,
 Чтобъ травамъ было весело въ апрѣль,
 И небо было тучами полно.

Огнемъ верховнымъ будетъ рѣшепо,
 Чтобъ въ должный срокъ своей молніи запѣли,
 И клочья всей разметанной кудели
 Сплетутъ какъ мостъ цвѣтное волокно.

Не скопостью рождается явленье
 Волшебныхъ грезъ, гдѣ яркихъ красокъ — семь.
 Красивы розы послѣ окропленья

Святой водой подъ знакомъ искупленья.
 Цвѣть къ цвѣту, къ своду радугъ всходить темь,
 Какъ буква къ буквѣ въ словѣ заключенья.

8.

Какъ буква къ буквѣ въ словѣ заключенья,
 Какъ слово къ слову въ лѣтописи душъ,
 Священныя слова Жена и Мужъ
 Не требуютъ отъ міра освященья.

Луна и Солнце лютъ свои внушенія
 Въ сомкнутый поцѣлуй. И почему жъ
 Превыше горъ и всѣхъ морей и сушъ
 Не вознести лобзанію хваленье?

На всю ли жизнь, на радость ли минутъ,
 Со мной ли ты, иль въ дальностяхъ разлуки,
 Люблю тебя. Ты вѣчно въ сердцѣ. Тутъ.

Всегда къ тебѣ я простираю руки.
 Всѣ звѣзды неба — для твоихъ колецъ.
 Но въ чемъ же завершающій конецъ?

9.

О, въ чём же завершающій конецъ
 Всѣхъ вскриковъ и острійныхъ говореній?
 Куда ведутъ ряды моихъ ступеней?
 Изъ розъ ли я сплетаю твой вѣнецъ?

Отъ тѣни къ тѣни, вѣчный въ дняхъ бѣглецъ,
 Окутанъ дымной мглою, звѣздный геній,
 Какъ въ пѣснѣ солю я разнозвукъ влюбленій,
 Я, братъ и мужъ, любовникъ и отецъ?

Съ душой созвѣздья душу обвѣничали.
 Но звѣздный свѣтъ горитъ равно для всѣхъ,
 Какъ музыка, какъ сонъ, какъ дѣтскій смѣхъ.

Мечту съ мечтою волны закачали.
 И пусть. И пусть. Невѣдомъ счастью грѣхъ.
 Стремленье двухъ къ объятью не въ печали.

10.

Стремленье двухъ къ объятью — не въ печали,
 И если духъ воистину звѣзда,
 Не можетъ тѣмъ онъ ранить никогда,
 Что чрезъ него другіе засіяли.

Игра многообразная — въ опалѣ.
 Жемчужно-красныхъ млѣній череда
 Засвѣтить рдянымъ углемъ иногда.
 Но всѣ огни въ одномъ затрепетали.

Съ тобой горитъ звѣзда, и съ той, и съ той.
 И хорошо, что въ выеотѣ пустыни
 Сіяютъ звѣзды, изумрудны, сини, —

И злато-алой свѣтятъ красотой.
 И свѣтъ, коль сердце съ сердцемъ счастье знали,
 Не въ томъ, чтобы близъ опять вернулась къ дали.

11.

Не въ томъ, чтобъ близъ опять вернулась къ дали,
 Съ тобой ли разлучусь я или съ ней,
 О, нѣть, не въ умаленіи огней
 Намъ мудрые завѣтъ высокій дали.

Есть пламени въ ломающемся валѣ,
 Волна съ волной всегда поетъ звучнѣй,
 Чѣмъ больше волнъ, тѣмъ ярче сказка дней,
 Не мы, а Норны эту пить свивали.

Сигурдъ, люблю Брингильдъ, люблю Гудрунъ.
 Я говорю съ восторгомъ и со стономъ.
 Я восклицаю долгимъ звономъ струнъ.

Любовь всегда душѣ была закономъ.
 На нашихъ судьбахъ вырѣзаль рѣзецъ
 Пасхальную созвѣздность всѣхъ сердецъ.

12.

Пасхальная созвѣздность всѣхъ сердецъ,
 Вселенское объятіе сознаній,
 Есть лучшее изъ всѣхъ искусствъ и знаній,
 Другое все — предъ золотомъ свинецъ.

Лишь тотъ бѣднякъ, кто, предъ собою лжецъ,
 Не видить правды истинныхъ желаній,
 Судьбиности горѣній и сгораній,
 И въ тусклой мглѣ томится какъ чернецъ.

Ты слышалъ, какъ осенне шуршали
 Листы березъ? Ты слышалъ, въ часъ ночей,
 Безгромное стеканіе дождей?

Любовь, люби. Дойди изъ чужедали.
 Я весь любовь. Любовь для жизни всей
 Обѣщана, занесена въ скрижали.

13.

Объщано, занесено въ скрижали,
 Что любящій, надѣясь вновь и вновь,
 Какъ званный гость, въ лучахъ, войдетъ въ любовь.
 Но горе тѣмъ, что въ часть призыва спали.

Имъ мѣсто въ отлученыи и въ опалѣ.
 И домъ ихъ тьма. И не поеть имъ кровь.
 Душа, свѣтильникъ брачный приготовь.
 Кто любить, опъ, кто бъ ни былъ, звукъ въ хоралѣ.

Любовь моя. Услышь мой правый стихъ.
 Ты вся моя. Лишь мнѣ душа и тѣло.
 Но я тебѣ не измѣнилъ въ другихъ.

Душа поетъ тебя, тобой запѣла.
 Ты свѣтъ очей. Ты духовъ образецъ.
 Любя любовь, твореніе — Творецъ.

14.

Любя любовь, твореніе — Творецъ.
 Принявъ Огня высокое велѣніе —
 Запѣвъ, пропѣть, другими, вознесенье —
 Мы звонъ, что льется изъ конца въ конецъ.

Смотри, весна. Къ намъ прилетѣлъ скворецъ.
 И жаворонка, въ жаркомъ взлетѣ, пѣніе
 Поетъ, что Солнцу радостно служенье.
 Раскройся, Вѣчность, и плыви, пловецъ.

Да будемъ, счастье, въ ласковомъ апрѣль.
 Любовь, любовь, какъ я люблю тебя.
 Любя, мы сердцемъ радостнымъ сумѣли

Себя найти, въ другомъ забывъ себя.
 Нѣтъ я, нѣтъ ты, одно самозабвеніе.
 Она и Онъ — не два ли разночтенья?

15.

Онъ и Она — не два ли разночтенья
 Того, что есть по существу одно?
 Намъ таинства разоблачаетъ дно
 Восторга, созерцанья, и мученья.

Все въ мірѣ знаетъ вѣрное влеченье
 Къ тому, что здѣсь закончить не дано.
 Къ звену идетъ ведущее звено,
 Какъ буква къ буквѣ въ словѣ заключенья.

Но въ чемъ же завершающій конецъ
 Стремленья двухъ къ объятью? Не въ печали.
 Не въ томъ, чтобъ близъ опять вернулась къ дали.

Пасхальная созвѣздность всѣхъ сердецъ
 Обѣщана, занесена въ скрижали.
 Любя любовь, твореніе — Творецъ.

ЗВЪЗДНЫЙ ВИТЯЗЬ.

Не богъ, но самый сильный братъ боговъ.
 Трудовъ свершитель самыхъ трудныхъ. Кто ты?
 Изъ міра изгонялъ ты нечистоты,
 И, вольный, былъ содругомъ всѣхъ рабовъ.

Когда свиститъ вокругъ твоихъ столбовъ
 Морская буря, порваны темноты.
 Ты гидръ губилъ. Но пчелъ, творящихъ соты,
 Не трогалъ ты на чашечкахъ цвѣтковъ.

Ты былъ какъ вышній стволъ глухого лѣса.
 Но также прасть могла рука твоя.
 Когда жъ земная порвалась завѣса, —

Ты отошелъ въ небесные края.
 И Солнце мчитъ себя, мечту тая
 Догнать въ путяхъ — созвѣздье Геркулеса.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Чертогъ	7
Поэтъ	9
Котловина	10
Огненный міръ	11
Пламенникъ	12
Жертва	13
Звѣздные знаки.	14
Горное откровеніе	15
Та, которою движутся Звѣзды	16
Разсвѣтъ	17
Что со мной	18
Пиръ	19
Оно прекрасно	20
Умѣй творить	21
Цвѣтокъ	22
Сонеты Солнца	23
Полдень	24
Огневзнесенье.	25
Изъ пропастей	26
Среди видѣній	27
Древо	28
Міръ	29
Игра	30
Мысль	31
Звенья	32
Обратный путь	33
Полная чаша	34
Рожденіе любви	35

	Стр.
Удѣль крылатыхъ	36
Законъ Природы	37
Знаніе виѣ знанія	38
Зеркало въ зеркало	39
Бронзовка	40
Павлинъ	41
Тайна раковинъ	42
Танецъ любви	43
Кабарга	44
Шестые кабарги	45
Цвѣтъ страсти	46
Пчела	47
Незримые исполины	48
Звѣрь	49
Луна и Солнце	50
Человѣкъ	51
Сонъ дѣвушки	52
Ребенокъ	53
Печати	54
Въ тѣ дни	55
На огненномъ ширу	56
Два достижениѧ	57
Въ жерлѣ	58
Звѣроловъ	59
Пещерникъ	60
Младшій	61
Посвященные	62
Край Озириса	63
Два міра	64
Кругозоръ	65
Призывъ	66
Относительность	67
Соотношенія	68
Зерно	69
Снопы	70

	Стр.
Кровь путаетъ	71
Брусики	72
Миръ благовѣстія	73
Наука	74
Среди деревъ	75
Древесная кора	76
Охота	77
Кротъ	78
Содружество	79
Змѣй	80
Ласточка	81
Жужжанье мухъ	82
Договоръ	83
Свѣча	84
У стебелька	85
Свѣтлая ночь	86
Веселенскій стихъ	87
Мудрость весны	88
Лѣсь	89
Завѣтъ	90
Творчество	91
Голубой сонъ	92
Липовый цвѣтъ	93
Мудрость	94
Зданіе	95
Сокровенность	96
Перстень	97
Аквамаринъ	98
Лучшій стихъ	99
Зеркальность	100
Художникъ	101
Различность	102
Прозрѣніе	103
Далекое	104
Сила Бретани	105

	Стр.
Сибирь	106
Лунная вода	107
Китайское небо	108
Ткань	109
Китайская грэза	110
Занавѣсь	111
Споръ духовъ.	112
Страна совершеннай.	113
Яванскій садъ	114
Свѣтлянки	115
Цвѣта драгоцѣннаго	116
Боро-Будуръ	117
Пляска колдуна	118
Островное созвѣздіе	119
Закатная риза	120
Древо Туле	121
Дорогой дыма.	122
Синій жгутъ	123
Воспоминаніе	124
Шаманъ	125
Ядъ	126
Рожденіе Музыки	127
Свирѣль	128
Волею рукъ	129
Музыка.	130
Предощущеніе	131
Два голоса	132
Зовы звуковъ	133
Мертвые звѣзды	134
Люби.	135
Онъ	136
Она поконится	137
Она	138
Путь къ ковчегу	139
Богъ приключенья	140

	Стр.
Поясокъ	141
Заревая	142
Цвѣтокъ любви	143
Камея	144
Столепестковая	145
Стройная	146
Волшебство	147
Кобра	148
Колдунъ	149
Четырнадцать	150
Перевязь	151
Законъ Сонета	152
Сонетъ Сонету	153
Туда	154
Бой	155
Еще	156
Нити дней	157
На отмели временъ	158
Среди зеркалъ	159
Не потому-ли?	160
Въ театрѣ	161
Мертвая голова	162
Послѣдняя	163
<i>Ultima Thule</i>	164
На предѣлѣ	165
На Южномъ полюсѣ	166
Бѣлый богъ	167
Бѣлая парча	168
Пѣвецъ	169
Глубинное поручительство	170
На днѣ	171
Орапъ	172
Служитель	173
Колоколь	174
Вершина	175

	Стр.
Ст'яна	176
Марсъ	177
Кровь	178
Знакомый шумъ	179
Беавременеъ	180
По зову ворона	181
Сэнтибърскія облака	182
Изломъ	183
Сохраненный янтарь	184
Соучастницы	185
Шалая	186
Весь кругъ	187
Неразлучимые	188
Зеркало	189
Лебяжій пухъ	190
Гаданіе	191
Серпъ	192
Луна осенняя	193
Лунная музыка	194
Владычица	195
Обелискъ	196
Встрѣча	197
Невѣста	198
Вѣнчанные	199
Успокоенная	200
Слово	201
Вечеръ	202
Мгновенія	203
Отчій Домъ	204
Причастіе	205
Тишина	206
Постель	207
Коверъ	208
Смерть	209
Кольца	210

	Стр.
Проблески	211
Любимые	212
Пантера	213
Блескъ боли	214
Два цвѣта	215
Нераздѣленность	216
Микель-Анджело	217
Леонардо-да-Винчи	218
Марло	219
Шекспиръ	220
Кальдеронъ	221
Эдгаръ По	222
Шелли	223
Великій Обреченный.	224
Эльфъ	225
Лермонтовъ	226
Вязь	230
Виѣ знанія	233
Рагль	236
Рѣшеніе	239
Кони	242
Онъ и Она	247
Звѣздный витязь	262

ТИПОГРАФІЯ ШПАМЕРА ВЪ ЛЕЙПЦИГЪ

PG
3453
B2S7

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich
Sonety solntsa, meda i luny

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
